

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 1 (58) — 2011

Министерство образования и науки Российской Федерации

ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

---

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 19.02.2010 г.)*

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (Ивановский государственный университет; *главный редактор*;
доктор исторических наук, профессор),
- С. Г. Айвазова** (Институт сравнительной политологии РАН, г. Москва; доктор политических наук),
- В. Н. Егоров** (Ивановский государственный университет; доктор экономических наук, профессор),
- В. Н. Аргунова** (Ивановский государственный университет; доктор социологических наук, профессор),
- И. С. Клёцина** (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
доктор психологических наук, профессор),
- З. Х. Саралиева** (Нижегородский государственный университет; доктор исторических наук, профессор),
- Т. Б. Рябова** (Ивановский государственный университет; доктор социологических наук, доцент),
- Н. А. Шведова** (Институт США и Канады РАН; доктор политических наук),
- Н. Б. Гафизова** (Ивановский государственный университет; *ответственный секретарь*;
кандидат исторических наук, доцент)

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»

Тел./факс в Иваново: (4932) 41 75 79
E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
Наш адрес в Internet: www.womeninrussia.ru, www.gender.ivanovo.ru, www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com

Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в каталоге российской прессы «Почта России» 78462

WOMEN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 1 (58) — 2011

Russian Ministry of Education and Sciences
Ivanovo State University

The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws
on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77–16955 on January 9, 2004

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

Editorial Board:

- Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University),
S. G. Aivazova, Dr. Sc. Politics (Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University),
Prof. **V. N. Argunova**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo State University),
Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Russian State Pedagogic University, St. Petersburg),
Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (Nizhniy Novgorod State University),
Assoc. Prof. **T. B. Ryabova**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo State University),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences),
Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (Ivanovo State University)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, ul. Ermaka, 39
Publishing House «Ivanovo State University»

Tel./Fax: (4932) 41 75 79

E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
Internet page: www.womeninrussia.ru, www.gender.ivanovo.ru, www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com

The issues may be sent by the preliminary request

СЕМЬЯ И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

ББК 63.3(2)5:60.561.51

М. Н. Трефилова, Т. Б. Котлова

КОНФЛИКТ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЬИ ГОРОЖАН В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.

(На материалах Владимирской,
Костромской, Ярославской губерний)

Заинтересованный исследователь истории российской семьи обнаружит на страницах периодических изданий первой четверти XX в. весь спектр актуальных сегодня вопросов семейно-брачных отношений, которые впервые возникли в этот период перед обществом и государством, став предметом острых дискуссий. Это проблемы кризиса семьи и снижения количества браков¹, распространения внебрачных сожительств² и увеличения доли неполных семей, ряд злободневных тем, связанных с искусственным прерыванием беременности³, занятостью женщин и их социальной активностью, разрушением института брака в новых социально-экономических и политических условиях⁴.

Как и корреспонденты периодических изданий, публицисты, представители научной общественности сто лет назад, мы с тревогой смотрим на возможные сценарии развития институтов брака и семьи, которые «в крайне рационализированном обществе, пронизанном идеологией рынка, вытесняются на периферию, становятся маргинальным образованием», представляя собой не главную жизнеобразующую ценность, а всего лишь «один из проектов, которые человек осуществляет в течение жизни»⁵. Схожие по характеру тенденции все более явно прослеживаются и внутри института семьи, проявляясь в усилении индивидуализма, повышении конфликтности, что обуславливает движение от целостности «семейного ядра» к разобщенности, разрушению внутрисемейных связей и распаду браков⁶. Формирование новых гендерных ценностей, изменение отношений между полами и одновременно глубоко укорененное в социальных институтах неравенство неизбежно приводят к столкновению интересов и целей мужчин и женщин, обуславливают возникновение противоречий между их традиционными и новыми ролями, которые на внутрисемейном и внесемейном уровнях перерастают в так называемый гендерный конфликт⁷.

Процессы функционирования и развития общественной системы посредством категории конфликта изучает и объясняет конфликтология. Специалисты исследуют природу конфликта, его структуру, причины возникновения, дина-

мику, функции, предлагают различные типологии, определяя конфликт как неотъемлемую часть социальной жизни⁸, форму отношений между потенциальными или актуальными субъектами социального действия, мотивация которых обусловлена противостоящими ценностями и нормами, интересами и потребностями⁹. Межличностные конфликты, к которым относятся и конфликты между супругами, являются самыми распространенными: они охватывают практически все сферы человеческих отношений в обществе. При этом, рождаясь и протекая в сфере частной, интимной, повседневной жизни, они остаются «за дверью кабинета» психолога или квартиры «обычных людей», «входя в историю» только в самом худшем случае — через страницы криминальных хроник.

В то же самое время именно повседневность явилась главной культурной ценностью второй половины XX столетия, обозначившей поворот к глубинной реальности социальной жизни. Современный этап изучения истории повседневности характеризуется стремлением связать ее как микроисторический уровень жизни с макроисторией (экономика, политика, уровень развития техники), обращением к ментальному уровню повседневной жизни, к идеалам, стереотипам сознания, ценностным ориентациям. В свою очередь, рассмотрение практик семейно-брачных отношений, повседневной жизни в переломные исторические периоды сквозь призму конфликта предлагает широкие исследовательские перспективы и позволяет не только выявить противоречия и динамику индивидуальных потребностей, мотивов, интересов супругов, рассмотреть факторы, способствовавшие распаду семей, но и понять логику развития процесса модернизации достаточно инерционного и консервативного социального института. В «локальных» противоречиях супругов часто раскрываются глубинные социальные тенденции, являющиеся приметой развития института семьи на определенном историческом отрезке.

Надежным фундаментом для проведения подобной работы является широкая источниковая база, представленная массивом фондов гражданского, уголовного и духовного судов, документов личного происхождения 1890—1920-х гг.¹⁰, которая позволяет в полной мере проследить схемы развития конфликтов, определить влияние на них внешних обстоятельств, рассмотреть разрушительные для семьи конца XIX — первой четверти XX в. проблемы, многие из которых прочно вошли в практику семейно-брачных отношений и в начале XXI в. не потеряли остроты.

Безусловно, владение этой информацией не дает гарантий для создания прогнозов и единственно верных проектов развития институтов брака и семьи в современном российском обществе, но, тем не менее, позволяет скорректировать государственную политику, непосредственно касающуюся их настоящего и будущего.

Сегодня новую интригу рассматриваемым вопросам придает начавшийся переход индустриальной цивилизации к постиндустриальной, когда изменяется характер производства и главное значение приобретает информация, корректируются образ жизни, ценности и идеалы. На рубеже XIX—XX вв. завершившийся промышленный переворот, процессы индустриализации и урбанизации, коренные изменения в структуре общества сопровождались последствиями со-

циокультурного характера: ускорилось становление культуры индустриального типа, резко возросло число женщин, вовлеченных в процесс производства и жизнь городского социума. Одновременно с формированием новой городской среды происходили серьезные изменения в сфере семейно-брачных отношений горожан и, несмотря на то что в условиях действовавшего законодательства¹¹ статистическое количество разводов увеличивалось медленно, распространявшаяся в городах практика фактического «расхода» супругов становилась поводом для негативных оценок перспектив института семьи и давала современникам возможность говорить о том, что «из сотни (браков. — М. Т., Т. К.) чуть ли не $\frac{3}{4}$ кончается разрывом»¹².

Накопившиеся внутри семьи горожан противоречия обнажила реформа семейно-брачного законодательства, проведенная советской властью в конце 1917 — начале 1918 г. Супруги, считавшие внутрисемейный конфликт неразрешимым, теперь могли легко расторгнуть брак в народном суде (при несогласии сторон) или отделе записей актов гражданского состояния. Статистически количество расторжений браков после принятия декрета «О разводе» резко возросло. Однако в данном случае увеличение разводимости не является основанием для однозначных выводов: принципиальное различие законодательства и возможностей получить развод до и после 1917 г. разрушает фундамент сравнения. В отличие от количественных данных, «качественные» источники вскрывают суть перемен, показывая неочевидные статистически различия в установках, желаниях, требованиях супругов в отношении семьи и друг друга, модели супружеских конфликтов, макрофакторы повышения (снижения) конфликтности в исследуемый период.

Разделяя конфликты по критериям результативности на конструктивные и деструктивные, по легальности существования — на открытые и латентные, современная конфликтология дает возможность исследователю отказаться от поиска единой типологии как полного и однозначного отображения любого конфликта, предполагая признание множества типологий. Конфликты можно классифицировать по различным основаниям: причинам, составу сторон, динамике развития, формам действия сторон, социальным целям и последствиям. В соответствии с целью и задачей настоящей работы структурируем отразившиеся в источниках конфликтные ситуации по принципу причинности, следуя типологиям супружеских конфликтов, предложенным А. И. Кочетовым и В. А. Сысенко¹³.

Если в отношении современной семьи причина конфликта, основанного на грубости, жестокости одного из партнеров, трактуется как «наличие личностных недостатков или отрицательных качеств» супруга, то для семьи конца XIX — начала XX в. ее использование требует пояснения. То, что современный человек расценивает как жестокость и грубость, неразвитость сознания, для исследуемого периода не столько проявление личных отрицательных качеств, сколько система общественных взаимоотношений господства — подчинения, которая распространялась и на институт брака.

На рубеже XIX—XX вв. противоречия внутри семьи выросли на почве патриархальных традиций и патриархального законодательства, предписывавшего жене повиноваться мужу, «пребывать к нему в любви, почтении и в не-

ограниченном послушании»¹⁴, при этом неизбежно возникала возможность злоупотребления основанными на браке правами. Факты жестокого обращения мужей с женами осуждались, но описывались как повсеместное явление¹⁵. Как показывает анализ архивных материалов, столкновения на почве «бесчеловечного обращения» в наибольшей степени были характерны для семей солдат¹⁶, мещан¹⁷, проживающих в городе крестьян¹⁸, хотя нередко встречались и в семьях привилегированных сословий¹⁹.

В данном случае интересна не семейная драма, в которой одна сторона властвует, а вторая подчиняется, а то, что она в исследуемый период все чаще перерастает в конфликт — скрытое или явное противостояние. Например, возбуждая в суде в 1894 г. имущественный иск против мужа, мещанка А. Могутова использует свои экономические права как повод и ставит себе целью не вернуть «ключ от сундука <...> в котором находится <...> приданое», а с помощью гражданских властей обязать мужа больше ее «не бить, не ругаться» и, проведя супруга через различные стадии судебного процесса, заключает с ним мировое соглашение на вышеуказанных условиях²⁰.

Принятие советского семейно-брачного законодательства должно было устранить этот вид конфликта, поскольку формально система господства — подчинения в семье была разрушена. На практике ее носители не могли изменить свое мировоззрение незамедлительно с вступлением в законную силу юридической нормы, тем более что они были наиболее многочисленными представителями городского сообщества, в которое, кроме того, в 1920-х гг. хлынул поток крестьянства как носителей наиболее патриархальных взглядов на внутрисемейные отношения. Регулярные избиения и оскорбления жен продолжали иметь место²¹, но теперь в полной мере могли быть названы «неразвитостью» и «личными недостатками». В свою очередь, сопротивление им в условиях пропаганды равенства женщин в семье и обществе чаще приводило к распаду семей. В то же время женщины из рабочей среды, испытав на себе все бремя «недостатков» супруга, не стремились немедленно развестись, а пытались как можно дольше сохранить брак. Так, кинешемка В. Мухартова, в течение 5 лет переносившая «оскорбления словами и действиями», обратилась в суд за разводом в 1926 г. только после того, как очередное «поучение» привело ее на грань жизни и смерти²². Подобные примеры ярко иллюстрируют сохранение патриархальной модели семьи в 1920-х гг., показывают устойчивость традиционных взглядов на внутрисемейные отношения и консерватизм исследуемого социального института.

В дореволюционный период в семьях солдат (запасных рядовых) «жестокое обращение» неизменно сопровождалось состоянием алкогольного опьянения²³. Одновременно ссоры на почве пристрастия одного из супругов к спиртным напиткам выявлены практически во всех городских сословиях: семьях купечества²⁴, крестьян²⁵, мещан²⁶, потомственных почетных граждан²⁷, разночинцев и интеллигенции²⁸. В большинстве своем они оказывались непреодолимыми, поэтому жена купца А. Титова искренне радовалась, что муж «оставил пить вино», вспоминая, «как много оно <...> обоим зла и раздора принесло»²⁹.

Как правило, острота противоречий была связана с последствиями пагубной привычки: проблемами экономического характера, рукоприкладством, оскорбле-

ниями. При этом в делопроизводственных материалах 1920-х гг. более часто актуализируются именно экономические претензии, возникавшие вследствие пьянства, впервые как причина конфликта обозначается связь алкогольной зависимости с унижающими вторую сторону должностными преступлениями супруга³⁰.

Другой распространенной причиной конфликтов в семье горожан исследуемого периода можно назвать нарушение этики супружеских взаимоотношений — ревность³¹ или измену, хотя именно в отношении характеристики последнего слагаемого классификации причин при интерпретации источников возникает наибольшее количество вопросов. Измена, трактуемая в дореволюционном законодательстве как «нарушение святости брака прелюбодеянием»³², в случае ее доказанности являлась одним из 4 оснований для развода. Поэтому часто она играла в отношениях супругов самые разные роли и не всегда «разжигала» конфликты. Личный почетный гражданин Н. Смирнов использовал измену своей жены как способ прекратить конфликт, разгоревшийся на совершенно других основаниях, о которых будет сказано ниже; он был «рад, что такое с женой случилось»: супруга боялась «общественного позора», а он ее «простил и может вить веревки»³³. Вплоть до принятия в 1914 г. закона «О расширении личных и имущественных прав замужних женщин...» супруги, чей брак распался фактически по «неканоническим» основаниям, могли, привлекая лжесвидетелей, использовать «прелюбодеяние» в качестве «официальной» причины для расторжения брака. Часто подобное дело, подкупая «очевидцев», фабриковала одна из сторон³⁴, поскольку «виновный» приговаривался к церковному наказанию вплоть до осуждения на безбрачие.

Наиболее последовательно модель развития событий «измена — причина деструктивного конфликта» иллюстрируют взаимоотношения демобилизованных солдат и их «неверных» жен, к моменту возвращения мужа имевших «внебрачных детей»³⁵. Женщины, наоборот, часто рассматривали факт измены со стороны мужа как неизбежное зло³⁶. Достаточно лояльное отношение к супружеской неверности демонстрируют представительницы небогатого мещанства. Например, А. Спиридонова, муж которой позволял себе «гулять с другими <...> все это терпела»³⁷, тогда как Е. Соловьева сама ходила к сопернице «без цели учинить скандал, а только взять от нее мужа»³⁸. Нужно отметить, что в подобных оценках значительную роль играет не только желание сохранить семью любым способом, не остаться без материальной поддержки, но и особенно характерное для крестьянской, мещанской среды представление о преимущественной вине жены за неудавшийся брак³⁹, возложение ответственности «за внебрачную жизнь <...> на супругу»⁴⁰.

Иное отношение к «измене» демонстрируют представители других городских слоев. Жена дворянина Т. Федорова, «нравственно оскорбленная неверностью»⁴¹, так же как жена студента Ярославского юридического лица А. Патваканова⁴², просила консисторию о расторжении брака, поскольку это «нравственное преступление отгалкивает» супругов⁴³. Безусловно, в кардинальном различии оценок неверности мужа в описанных случаях значительную роль сыграли как возможности обеспечения собственной финансовой стабильности в случае расставания с супругом, так и принципиально различный уровень «духовного сознания».

На основании принятого ЦИК и СНК 19 декабря 1917 г. декрета «О разводе» понятие «прелюбодеяние» перестало иметь юридическое значение. Одновременно с развитием общественных дискуссий о новых формах брака и семьи суждения о невозможности сохранения в коммунистическом обществе «претензий владеть безраздельно и до конца дней его/ее сердцем», модель «брака втроем»⁴⁴ фактически «отменяли» понятие «супружеская измена», поскольку ее не может быть там, где должна быть «свобода брака», а ревность стала оцениваться как «низменные побуждения»⁴⁵.

Тем не менее для «обычной» городской семьи изучаемого региона «супружеская неверность» стала более разрушительным фактором в числе обстоятельств, влиявших на взаимоотношения супругов. Обостренные оценки случившегося определяются разочарованием в супруге⁴⁶, ощущением предательства семьи и детей⁴⁷, утратой доверия⁴⁸. Одновременно в 1920-х гг. супружеская измена, сама по себе не разрушая семью, приводила к распаду браков в случае рождения в результате внебрачной связи ребенка, поскольку выплата алиментов подтачивала нестабильный семейный бюджет. С введением в действие с января 1927 г. Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР, уравнявшего в правах зарегистрированные и фактические браки, ситуация еще более усложнилась. Как утверждал тапер Б. Свистунов в ответ на исковое прошение, выплата алиментов неизбежно разрушала его брак: «Жена вынуждена будет со мной развестись, и я могу остаться в тяжелом положении»⁴⁹. В подобных условиях измена становилась не просто нравственным преступлением, она являлась жестоким ударом по благосостоянию семьи.

Конфликты, возникавшие между супругами на почве «финансовых разногласий», заслуживают отдельного рассмотрения. Как указывает в своих воспоминаниях А. М. Богатырева, в семьях фабричных рабочих ссоры чаще всего происходили оттого, что «муж, иногда пьяный, упрекает (жену. — *М. Т., Т. К.*) и ребятишек за каждый кусок...»⁵⁰. Столкновения из-за распоряжения приданным имели место как в богатых купеческих семьях⁵¹, так и семьях небогатого мещанства⁵². Однако если в первых возникали ссоры на почве непомерных (по мнению мужа) трат супруги⁵³, то к началу XX в. работающие мещанки, высоко оценивая свой вклад в семейный бюджет, все чаще выдвигают подобные претензии к мужьям⁵⁴.

В исследуемый период заметно обострение конфликтов по причине неудовлетворенности во взаимопомощи, особенно в части экономической поддержки семьи, как со стороны мужчин, так и со стороны работающих женщин. Например, обозначая важность перераспределения обязанностей и подчеркивая невозможность в текущих социально-экономических условиях содержать семью одному, в 1894 г. иваново-вознесенский мещанин И. Срывков соглашался закончить семейный конфликт воссоединением с супругой, только если «она будет помогать ему и работать»⁵⁵. Наоборот, торговавшей «вразноску» галантереей жительнице Костромы В. Никитиной «не оказывал никакой помощи» муж, пропивавший и товар, и заработанные деньги⁵⁶.

Тенденция к включению женщин в процесс оплачиваемой деятельности меняла модель взаимоотношений супругов. Нельзя говорить о том, что эти взаимоотношения начинали строиться по принципу равенства, но она приносила

определенное уважение в семье мелких служащих и даже некоторых фабричных рабочих, пусть и после череды острых конфликтных ситуаций. Одновременно в случае возникновения внутрисемейных противоречий у работающих женщин проявлялось чувство уверенности в своих силах, своей правоте⁵⁷.

Показателем глубины происходивших перемен, их опасности для традиционной семейной модели служит тот факт, что мужчины являлись не только сторонниками, но и непримиримыми противниками изменений семейного уклада: включение женщин в процесс оплачиваемой деятельности, рост их самосознания воспринимались как первопричина «кризиса семьи»⁵⁸. Борьба с желанием жены устроиться на работу могла принимать такие формы, как в судебных тяжбах крестьянина А. Шошина с женой в 1906—1908 гг. Он трижды возбуждал гражданский иск с целью добиться ее увольнения с разных мест работы, объясняя свое настойчивое желание так: «Я, Шошин, нуждаюсь женским полом и мои малые дети, и часто находимся в холодной избе, и жена моя гуляет по воле»⁵⁹.

В строящемся социалистическом обществе в условиях социальной нестабильности, кризиса экономики финансовые претензии супругов друг к другу не исчезли. Если бытовая неустроенность⁶⁰, низкие заработки и невозможность прокормить семью на зарплату⁶¹, подозрения в излишних тратах и даже воровстве⁶² приводили к ссорам, то потеря работы⁶³ или принципиально различный вклад в семейный бюджет⁶⁴ — к расторжению брака.

Вступление государства после 1922 г. в более стабильную фазу и необходимость восстановления разрушенной экономики обострили вопросы, связанные с занятостью женщин, их вовлечением в производительный труд и перераспределением обязанностей в семье. Государство пропагандировало новую роль женщины как «равноправной гражданки» и «строительницы» страны⁶⁵. При этом в наименьшей степени была решена одновременно возникавшая проблема двойной нагрузки женщин, в связи с чем к претензиям экономического характера, которые к тому времени достаточно явно звучали в семье горожан, к проблеме равенства обязанностей примкнули вопросы равенства прав. В результате в качестве причин семейных конфликтов зазвучали выводы о «несамостоятельности мужа»⁶⁶, страхе мужчин перед ответственностью, обвинения в том, что муж не может «служить опорой в дальнейшей жизни»⁶⁷. В судебной практике апофеозом процесса стали иски мужей о взыскании с жен выплат на содержание себя и детей⁶⁸, обвинения в том, что нетрудоспособного мужа и ребенка жена «бросила <...> на произвол судьбы, не дает <...> помощи»⁶⁹.

На протяжении всего исследуемого периода проблемы равноценности вклада членов семьи в ее благосостояние тесно переплетались с конфликтами, возникавшими вследствие недооценки одним из супругов качеств и способностей другого. Так, пренебрежение ее мнением как хозяйки дома, отношение к себе со стороны мужа как к ребенку остро переживала супруга Д. Г. Бурылина — Анна Александровна⁷⁰. Главным условием примирения с мужем для жены губернского секретаря В. Антоновой являлось желание «быть дома хозяйкой, а не приживалкой»⁷¹. Отрицание своего вклада в экономическую поддержку семьи в 1924 г. крестьянин Д. Смельцев оценивал как «оскорбление», которое «очень тяжело переносить»⁷². В равной степени дворянка М. Юдичева, в 1919 г. «добывавшая» продукты, начавшая стирать и гладить, была разгневана

безразличием супруга к ее заслугам: «Упрекает, что я ни черта не делала, а кто и что делал в нашем кругу? Зато теперь я — человек, дивлюсь и дивятся...»⁷³

Недооценка роли другого в семье часто отражала несовместимость интересов и потребностей супругов. Как правило, на рубеже XIX—XX вв. расходом заканчивалось заключенное в супружеские рамки напряженное противостояние «городского» и «деревенского» образов жизни. Так, не мог ужиться со своей женой-мещанкой в селе Никольском П. Спасский, поскольку она была «с детства воспитан[а] среди фабричной обстановки, люби[ла] веселье <...> участвовала в кружке любителей-артистов»⁷⁴. Завоевав в городе новое «общественное положение» и работая приказчиком, крестьянин Ф. Максимов стыдился жены — «деревенской бабы» — и своего законного брака⁷⁵.

Несовместимость интересов и потребностей супругов выражалась в противоположных взглядах на значимые события и нравственные ценности, в некоторых случаях сформировавшихся в результате различного социального происхождения мужа и жены. Так, дворянка Е. Самсонова, предлагая в 1902 г. своей золовке Наталье сюжет для написания романа на современную и актуальную тему, описывает конфликт в семье инженера и дворянки, произошедший из-за «финансового преступления» мужа⁷⁶. В 1928 г. инженер-химик В. Ленхольдт видит главную причину ссор с женой в ее «аристократичности»⁷⁷. В данном случае каждая из сторон, опираясь на определенную систему ценностей, была категорична, тогда как для представителей одного сословия шансы на примирение, поиск компромисса были выше. Например, муж крестьянки К. Шабариной, занимавшейся в Шуе революционной работой, пытался «отвлечь» ее от этой деятельности «двумя способами: устраивал скандалы <...> применял читать вместе романы...» Терпя первый вид воздействия, супруга подбирала для чтения социалистическую литературу, и постепенно муж сам втянулся «в революционную работу»⁷⁸.

В постреволюционной советской действительности часто супруги принципиальное различие в поступках, нравственных ценностях связывали с идеологическими взглядами друг друга. «Как пролетарская труженица <...> и кандидат Российской коммунистической партии» работница А. Вахляева предпочитала развестись с мужем, который находился в розыске и прошлое которого бросало тень на ее будущее⁷⁹. Уже в революционные годы проблема религиозности и отношения к религии, которую один член семьи оценивал как спасение, а второй — как «форменное ханжество», делала мужа и жену непримиримыми противниками⁸⁰. В 1920-х гг. конфликты «неверия и веры» приобретают новое измерение в связи с логично следовавшими столкновениями из-за противоположных взглядов на воспитание детей⁸¹. Одновременно в значительном количестве «послеразводных дел» (как правило, о передаче ребенка другому родителю или о назначении алиментов) ссылки на воспитание детей «в духе коммунизма»⁸², указания на религиозность семьи⁸³, не являясь первопричинами разногласий, становились способом склонить суд на ту или иную сторону⁸⁴. Таким образом, в жизнь городской семьи все более явно входили противоречия не внутреннего, а внешнего характера, проистекавшие не от проблем взаимоотношений, а вызванные отношениями супругов с внешним миром.

До выхода семьи на большую политическую и социальную арену проблема невозможности самореализации при исполнении роли супруги и матери в конце XIX — первом десятилетии XX в. актуализировалась некоторыми представительницами купеческих семей, интеллигенции. Первые подчеркивали невозможность удовлетворения своих потребностей⁸⁵, поддержания привычного «открытого» образа жизни⁸⁶ в семье, вторые связывали семейную жизнь с отказом от «мечтаний и порывов»⁸⁷. В свою очередь, в период 1914—1917 гг. катализатором столкновений становится как раз реализация потребностей в следовании внесемейным стратегиям. Так, став военным врачом, чтобы «впоследствии не упрекну[ть] себя <...> что в ужасное время жила личной жизнью», А. Заалова получала горькие упреки от мужа, который решил, что она «на фронте ради сильных ощущений»⁸⁸.

Процесс усиления конфликтности по причине реализации внесемейных стратегий захватил более широкие слои общества и значительно усилился в 1920-х гг. в семьях фабричных рабочих и служащих, когда резко возросла общественная нагрузка на обоих супругов. Желание каждого получить образование, необходимость принять участие в общественной деятельности приводили к острым конфликтам, инициаторами которых были как мужья, так и жены. Первые при этом говорили о заброшенном доме и хозяйстве⁸⁹, вторые — об одиночестве⁹⁰ в результате постоянного отсутствия супруга.

Для некоторых видов конфликтов подобная преемственность не была свойственна. Так, среди «новых семей» 1920-х гг. не удалось выявить тех, в которых ссоры супругов проистекали бы от изначального отсутствия любви. Видимо, молодежь при вступлении в брак (начиная сожитительство) преимущественно стала руководствоваться взаимным влечением и чувством любви, тогда как в предшествовавший период столкновения супругов, женившихся по воле родителей, когда «выбор <...> и чувство не имели места»⁹¹, встречались достаточно часто.

Также в постреволюционный период почти не упоминаются конфликты, возникавшие из-за неправильных отношений одного из супругов с родителями или родственниками другого⁹². В конце XIX в., когда власть родителей над детьми, закрепленная законодательством, была достаточно сильна, а сам строй общественной жизни был направлен скорее на сохранение «старого», чем на содействие «новому» («молодому»), столкновения из-за вмешательства свекрови⁹³ или тестя⁹⁴ в жизнь молодой семьи заканчивались даже расходом супругов.

В связи с явным разделением брачности и сексуальности в 1920-х гг. похожая тенденция прослеживается в отношении конфликтов по причине биологической несовместимости супругов. До революции неспособность к сексуальной жизни («брачному сожитию») была одной из причин для расторжения брака, но случаи столкновения с подобной трагедией говорят о расставании «без ругани»⁹⁵ или «тягостном сосуществовании»⁹⁶, а не о ссорах и конфликтах. Однако «биологическая несовместимость» супругов, часто выражавшаяся в их неспособности откровенно обсуждать сексуальные взаимоотношения, неумении узнать или нежелании принять потребности друг друга, становилась не просто причиной противоречий, а приводила к полному непониманию и рождению чувства отвращения между мужем и женой.

Для упоминавшейся в сюжете об изменах купеческой дочери Е. Смирновой сексуальная жизнь в браке, как и для большинства женщин конца XIX в., в девичестве оставалась «закрытой книгой», и, выйдя замуж, она попыталась построить ее в соответствии с собственными потребностями и эмоциональным миром. Она «ласкалась (к мужу. — *М. Т., Т. К.*), как ребенок», получая «нотации за неуместностью (этого. — *М. Т., Т. К.*) между мужем и женой». В результате «ей овладевало отчаяние и разочарование жизнью», в то время как муж «свои отношения проявлял лишь иногда для удовлетворения половой потребности». Первоначально (при вступлении в брак ей было 16 лет) Екатерина терпела это, а затем вывела собственные претензии на уровень почти революционного протеста: «...задетое самолюбие и сознание человеческого достоинства заговорило о несправедливости мужа, подстрекая волю противодействовать против его произвола как имеющей одинаковую с ним равноправность»⁹⁷. Если в этой семье попытки гармонизировать супружеские отношения, внести в них живые эмоции категорически отвергал муж — «человек религиозный», которого «держит страх перед Богом, но <...> поглощает плотское чувство»⁹⁸, то супруги Зааловы, искренне любя друг друга, в течение первого года совместной жизни также не могли найти взаимопонимание в данном вопросе. Под влиянием литературы, общепринятой нравственности А. Заалова «не понимала, какая связь между любовью и половым влечением <...> и только благодаря своей сильной любви <...> прощала <...> обладание». Н. Заалов также «мучился, будучи не в силах справиться со своим темпераментом, и никакими усилиями не мог разбудить (в жене. — *М. Т., Т. К.*) женщину». Оба страдали, ссорились, жена отчаялась наладить жизнь и «начинала думать, что <...> не должна была выходить замуж»⁹⁹.

Таким образом, конфликты по причине «биологической несовместимости» были очень тесно связаны с неудовлетворенной потребностью в положительных эмоциях, ласке, нежности и разрешение их было психологически сложным для супругов: непонимание проблемы, отрицание ее, чувство стыда, запретности темы приводили не к конструктивному диалогу, а к дальнейшему отчуждению. Даже студентке-медику А. Зааловой, чтобы разрешить внутрисемейный конфликт, понадобились несколько лет супружества и «обсуждение» проблемы с мужем через ее описание в личном дневнике.

В 1920-х гг. «биологическая несовместимость», в исключительных случаях становясь причиной ссор, чаще всего «в чистом виде» отсутствует, соединяясь с различием духовных интересов¹⁰⁰ или проявляясь в браке одновременно с какими-либо негативными чертами партнера¹⁰¹.

Подводя итог, необходимо отметить, что в исследуемый период в семьях горожан оставалась стабильно высокой конфликтность на почве финансовых разногласий между мужем и женой, пристрастия к алкоголю, несовместимости интересов и потребностей супругов. Заметна тенденция к снижению конфликтов из-за жестокого обращения, неудовлетворенности самореализацией в семье, отсутствия любви, неправильных отношений с родителями, биологической несовместимости. В свою очередь, разногласия супругов в решении вопросов воспитания детей и взаимопомощи, равноценности вклада в семейный бюджет, нарушение супружеской верности (в случае рождения «внебрачного»

ребенка), реализация внесемейных стратегий стали более разрушительными для семейных взаимоотношений.

Очень ярко было выражено влияние макрофакторов на повышение внутрисемейной конфликтности. В их числе: развитие городской культуры, изменение традиционного положения женщины в обществе и семье, обусловленный военными и революционными действиями кризис экономики и социальной сферы. Одновременно во всех источниках личного происхождения отражены общее состояние озабоченности, негативный эмоциональный фон, девальвация моральных ценностей, что также способствовало обострению внутрисемейных противоречий.

Одной из принципиальных характеристик является также резкое обострение гендерных конфликтов в результате трансформации роли женщин в семье и обществе. К началу 1920-х гг., вместе с реформами советской власти, характер столкновений интересов и целей супругов на почве включения женщин в процесс оплачиваемой деятельности, распространения идей равноправия женщин, получения ими образования перешел в открытую фазу. Тем не менее, имея беспрецедентную историческую возможность быть конструктивно разрешенным при участии третьей стороны — государства, гендерный конфликт снова стал латентным вместе с рождением «контракта работающей матери».

Стратегии поведения участников конфликтов показывают, что преобладающими методами разрешения всех описанных проблем, выхода из семейного кризиса являлись доминирование одной стороны над другой, уступчивость или избегание открытого столкновения. Поиск компромисса или сотрудничество встречается в источниках значительно реже, как правило — в семьях интеллигенции, дворян, купечества. Кроме того, часто каждый из супругов и сторонних участников столкновений (родители, соседи, знакомые) оценивал причины возникшего конфликта по-разному, что при отсутствии единого понимания проблемы также обуславливало невозможность ее решения на основе конструктивного диалога.

Таким образом, анализ конфликтности внутри семей горожан, противоречий и динамики индивидуальных потребностей, мотивов, интересов, целей супругов показывает, что в конце XIX — первой четверти XX в. институты брака и семьи проходили фазу модернизации, симптомами и последствиями которой становилось развитие описанных тенденций: конфликт в семье являлся фактором ее социокультурной трансформации.

Исследуемый период стал отправной точкой формирования современной российской семьи, которая на волне социально-культурных изменений, отражающих сегодня реализацию программы информационного общества и общества потребления, переживает фазу обновления. Пройдя длинный путь, но вернувшись на заре XXI в. по одной из осей координат к условному началу, она столкнулась с проблемами, которые изменили облик традиционной семьи столетие тому назад. В их числе — как более частные вопросы разрушения браков по причине активной трудовой миграции населения в мегаполисы, так и глобальные проблемы «духовного перелома», возникшие вследствие очередной переоценки ролей и ценностей, поиска ответов на вопросы: чем человек должен пожертвовать ради создания и сохранения семьи, насколько индивидуаль-

ное пострадает от общего, какова ценность семьи по отношению к карьере, личному благу, возможно ли равенство прав и возможностей в браке. При этом, несмотря на данные статистики по соотношению количества браков и разводов, усиление хрупкости взаимоотношений супругов в условиях обострения конкуренции их индивидуальных интересов, можно не только говорить об инерционности института семьи, но и оценивать его значение как определяющее в жизни человека. Так, по данным фонда «Общественное мнение» (2005 г.), для россиян «ценность брака <...> не упала»¹⁰² и, как свидетельствуют результаты общеевропейского исследования 1978—2000 гг., «в ряду таких ценностей, как работа, семья, друзья, свободное время, политика, религия, семья ценится выше всего»¹⁰³.

Примечания

- ¹ Агроном. Кризис брака // Брачная газ. 1906. № 6.
- ² Против гражданских жен // Женская жизнь. 1916. № 2.
- ³ Суд над абортom // Журн. для женщин. 1914. № 2. С. 4.
- ⁴ Нужен ли брак? // Приволжская правда. 1923. № 218.
- ⁵ Стоюнина-Здравомыслова О. Семья: из прошлого — в будущее // Гендерные стереотипы в современной России : интернет-конф. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/text/16209413/> (дата обращения: 09.10.2010).
- ⁶ В России в 2009 г. на 1000 человек населения приходилось 8,5 браков и 4,9 разводов. См.: URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography/> (дата обращения: 23.03.2011).
- ⁷ Взаимодействие или психологическое состояние, в основе которого лежит противоречивое восприятие гендерных ценностей, отношений, ролей, приводящее к столкновению интересов и целей. См.: Словарь гендерных терминов. URL: <http://www.owl.ru/gender/047.htm> (дата обращения: 13.11.2010).
- ⁸ Леонов Н. И. Онтологическая сущность конфликтов. URL: <http://biblios.newgoo.net/t4082-topic> (дата обращения: 20.11.2010).
- ⁹ Здравомыслов А. Г. Социология конфликта : учеб. пособие для студентов вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 96.
- ¹⁰ В статье использованы делопроизводственные материалы Владимирской, Ярославской духовных консисторий, городских судов гг. Кинешмы, Юрьевца, Иваново-Вознесенска, народных судов Иваново-Вознесенской губернии по искам о расторжении браков и выплате денежного содержания, материалы личных фондов А. А. Титова, А. М. Богатыревой, Д. Г. Бурылина, Н. В. Самсоновой, Н. В. Демьяновой, К. Я. Шабариной, А. Н. Зааловой, материалы периодической печати.
- ¹¹ До 1917 г. брак расторгался духовным судом по 4 причинам: доказанный факт измены; бесследное отсутствие супруга (более 5 лет); наказание, повлекшее лишение прав состояния (в том числе семейственных); неспособность вести брачную жизнь. Факты жестокого обращения, нарушения основанных на браке обязанностей и злоупотребления ими, душевная или венерическая болезнь одного из супругов с 1914 г. вошли в семейно-брачное законодательство в качестве оснований для прекращения совместной жизни женщины и мужчины, формально остававшихся супругами. С апреля 1918 г. Русская православная церковь дополнила число поводов для расторжения брака, а для получения гражданского развода, введенного 19 декабря 1917 г., вообще не требовалось указывать причину.
- ¹² Брак — самый важный шаг в жизни // Брачная газ. 1906. № 1.

- ¹³ Кочетов А. И. Мужчина и женщина: отношения полов. Минск : Полымя, 1989 ; Сысенко В. А. Супружеские конфликты. М. : Мысль, 1989.
- ¹⁴ Свод законов Российской империи. Пг., 1914. Т. 10, ч. 1 : свод законов гражданских. С. 30.
- ¹⁵ Женофил. Смотрины невест // Новобранная газ. 1907. № 15.
- ¹⁶ Государственный архив Ивановской области. Ф. 914. Оп. 1. Д. 56. Далее: ГАИО.
- ¹⁷ Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 633.
- ¹⁸ Там же. Д. 196.
- ¹⁹ Там же. Д. 1143.
- ²⁰ Там же. Ф. 526. Оп. 1. Д. 27.
- ²¹ Там же. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 1363.
- ²² Там же. Д. 867.
- ²³ Там же. Ф. 914. Оп. 1. Д. 45.
- ²⁴ Государственный архив Ярославской области. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1790. Далее: ГАЯО.
- ²⁵ Там же. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1438.
- ²⁶ ГАИО. Ф. 526. Оп. 1. Д. 39.
- ²⁷ Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1143.
- ²⁸ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1557.
- ²⁹ Там же. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1790. Л. 20.
- ³⁰ ГАИО. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 1380.
- ³¹ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1557.
- ³² Свод законов Российской империи. Пг., 1914. Т. 10, ч. 1. С. 16.
- ³³ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 686. Л. 13 об.
- ³⁴ Там же. Оп. 4. Д. 1614.
- ³⁵ ГАИО. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 1.
- ³⁶ Там же. Ф. 914. Оп. 1. Д. 351.
- ³⁷ Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 235. Л. 1 об.
- ³⁸ Там же. Ф. 914. Оп. 1. Д. 351. Л. 1.
- ³⁹ Государственный архив Владимирской области. Ф. 556. Оп. 3. Д. 1001. Далее: ГАВО.
- ⁴⁰ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1513. Л. 21 об.
- ⁴¹ Там же. Д. 1517. Л. 31 об.
- ⁴² Там же. Д. 1503.
- ⁴³ Там же. Д. 1517. Л. 31.
- ⁴⁴ Казьмина О., Пушкарева Н. Брак в России XX века: традиционные установки и инновационные эксперименты // Семейные узы : модели для сборки : сб. ст. М. : Новое лит. обозрение, 2004. Кн. 1 / сост. и ред. С. Ушакин. С. 194, 195.
- ⁴⁵ Исключительно из ревности // Рабочий край. 1926. № 262.
- ⁴⁶ ГАИО. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 57.
- ⁴⁷ Там же. Д. 51.
- ⁴⁸ Там же. Д. 47.
- ⁴⁹ Там же. Д. 1083. Л. 30.
- ⁵⁰ Шуйский городской архив. Ф. 102. Оп. 1. Д. 54. Л. 26.
- ⁵¹ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 686. Л. 13 об.
- ⁵² ГАИО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 126.
- ⁵³ Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 20.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 189.
- ⁵⁵ Там же. Д. 354. Л. 2.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 914. Оп. 1. Д. 880. Л. 18.

- ⁵⁷ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1438.
- ⁵⁸ *Рейтер Г.* Задачи и цели супружеского союза // Новобрачная газ. 1907. № 14.
- ⁵⁹ ГАИО. Ф. 914. Оп. 1. Д. 669. Л. 1.
- ⁶⁰ Там же. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 199.
- ⁶¹ Там же. Д. 1314.
- ⁶² Там же. Д. 552.
- ⁶³ Там же. Ф. Р-259. Оп. 1. Д. 117.
- ⁶⁴ Там же. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 776.
- ⁶⁵ Там же. Ф. Р-765. Оп. 1. Д. 462. Л. 19.
- ⁶⁶ Там же. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 433.
- ⁶⁷ Там же. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 51.
- ⁶⁸ Там же. Д. 1222.
- ⁶⁹ Там же. Д. 776. Л. 1.
- ⁷⁰ Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 20 а. Л. 83.
- ⁷¹ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1614. Л. 11 об.
- ⁷² ГАИО. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 565. Л. 1.
- ⁷³ Там же. Ф. 512. Оп. 1. Д. 16. Л. 41 об.
- ⁷⁴ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 996. Л. 31.
- ⁷⁵ ГАИО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 101.
- ⁷⁶ ГАЯО. Ф. 1208. Оп. 2. Д. 89. Л. 19.
- ⁷⁷ ГАИО. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 1314. Л. 11 об.
- ⁷⁸ Шуйский историко-художественный и мемориальный музей им. М. В. Фрунзе. НВФ. Д. 179/1. Л. 2.
- ⁷⁹ ГАИО. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 737. Л. 1.
- ⁸⁰ Там же. Ф. 512. Оп. 1. Д. 16.
- ⁸¹ Там же. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 565.
- ⁸² Там же. Д. 576. Л. 4 об.
- ⁸³ Там же. Д. 565.
- ⁸⁴ Там же. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 353.
- ⁸⁵ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 686.
- ⁸⁶ ГАИО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 20. Л. 14.
- ⁸⁷ Шуйский городской архив. Ф. 280. Оп. 1. Д. 4. Л. 88.
- ⁸⁸ Там же. Л. 413.
- ⁸⁹ Хоть бросай работать! // Рабочий край. 1926. № 284.
- ⁹⁰ *Орехов П.* Почему от него ушла Нюра // Там же. № 285.
- ⁹¹ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1438. Л. 12.
- ⁹² Убийство на почве семейных неурядиц // Рабочий край. 1926. № 245.
- ⁹³ ГАИО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 39.
- ⁹⁴ ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Д. 1597.
- ⁹⁵ Там же. Ф. 556. Оп. 3. Д. 1001. Л. 1.
- ⁹⁶ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 736. Л. 7.
- ⁹⁷ Там же. Д. 686. Л. 36.
- ⁹⁸ Там же. Л. 23.
- ⁹⁹ Шуйский городской архив. Ф. 280. Оп. 1. Д. 4. Л. 399, 400.
- ¹⁰⁰ ГАИО. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 203.
- ¹⁰¹ Там же. Д. 552.
- ¹⁰² *Яковлева Е.* Живой брак : (сенсационные данные о современной семье) // Российская газ. 2005. 22 июля.
- ¹⁰³ *Стоюнина-Здравомыслова О.* Указ. соч.

ББК 60.561.53

М. М. Леонов

ВНЕБРАЧНЫЕ СВЯЗИ И ПОКРОВИТЕЛЬСТВО В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в.

Предметом данного исследования станет отношение светского общества к покровительству, возникавшему на фундаменте внебрачных связей («интимному покровительству»). Речь пойдет о том, как это явление вписывалось в светскую жизнь и как оно осмысливалось с позиций нравственности и морали.

Общей проблемой научных работ, касающихся столь щекотливых вопросов, является дефицит надежных источников. Переписка, дневники и мемуары современников полны недомолвок, а иногда и недостоверных сведений. Чтобы расширить горизонты исследования, целесообразно опереться на художественную литературу, как образчик рефлексии светского общества. Из-под пера русских и зарубежных авторов вышло множество романов о нравах «большого света». Знаменитые французские писатели Шодерло де Лакло, Оноре де Бальзак, Александр Дюма-сын и другие не понаслышке были знакомы с аристократическим бытом и феноменом внебрачных отношений. Должное внимание этим темам уделяли величайшие из русских писателей, в частности граф Л. Н. Толстой.

Авторы так называемых «великосветских романов» — граф В. А. Соллогуб, графиня Е. П. Ростопчина, князь В. П. Мещерский — благодаря происхождению, с молодых лет существовали в водовороте светских раутов. Их романы были ориентированы на широкий круг читателей, включая тех, кто вовсе не был знаком с аристократическим бытом. Поэтому писатели детально разъясняли логику салонных отношений. Сюжеты произведений зачастую брались из жизни, отдельные герои имели прототипов (например, в центральном персонаже повести В. А. Соллогуба «Большой свет» Михаиле Леонине современники угадали М. Ю. Лермонтова).

По меткому выражению Оноре де Бальзака, светское общество XIX в. жило «напоказ». Репутация отдельного лица отражалась на престиже целого семейства, поэтому понятию чести уделялось особое внимание. Социальный контроль, неусыпно осуществлявшийся светским обществом, с одной стороны, и стремление аристократа при любых условиях сохранить лицо — с другой, делали внебрачные связи крайне болезненным и деликатным вопросом.

В аристократической среде, как, впрочем, и у других сословий, большое внимание уделялось целомудрию девиц. Считалось, что до момента вступления в брак женщина должна оставаться невинной. Такие представления обусловили жесткий контроль над поведением и кругом общения девушек на вы-

данье. Их отношения с мужчинами протекали под наблюдением родственников и редко выходили из пределов платонической любви.

Брак кардинально менял положение женщины. Формально она переходила под покровительство мужа, без разрешения которого не могла, например, получить паспорт и выехать за границу. Однако на практике ей предоставлялась значительная свобода. Аристократки принимали у себя, выезжали в свет и посещали театры, причем сопровождающим лицом вовсе не обязательно был законный супруг. Ухаживание за замужними было в порядке вещей. По воспоминаниям князя М. В. Голицына, на великосветских балах его товарищи заводили «серьезные романы», не особо стесняясь наличием мужей. «Я вспоминаю, что мой друг Шиллинг усиленно увлекался М. В. Катковой, рожденной Щербатовой, и где только мог танцевал или виделся с ней, но без всякой взаимности, — писал Голицын. — ...Друживший со мною Александр Салтыков, ухаживавший сначала за многими из выезжавших барышень, бросил всех и увлекся некоей замужней дамой Комаровой, кажется, бывшей певицей, и впоследствии даже женился на ней, к большому скандалу высшего света» [4, с. 120].

Конечно, подобные отношения таили в себе опасность. Неосторожные шаги могли привести к «большому скандалу», как в истории Салтыкова и Комаровой. Злые языки были падки на пересуды о внебрачных связях того или иного знакомого, однако серьезная угроза для репутации появлялась лишь в том случае, когда в руки недоброжелателей попадали доказательства супружеской измены. Компрометация женщины осуществлялась много проще, чем мужчины: подсмотренная сцена свидания, любовная переписка, эскапады обманутого мужа гарантированно вели к общественному порицанию. Ярлык «непорядочной» обуславливал социальную изоляцию: даму переставали посещать и принимать у себя, в ней видели угрозу нравственности «порядочных» женщин, а особенно девиц.

При этом важно отметить, что светское общество XIX в. проявляло гибкость в вопросах морали. Если неопровержимые доказательства измены могли серьезно подмочить или вовсе уничтожить репутацию человека, то при сохранении внешних приличий, т. е. в отсутствие скандалов, на любовные интрижки смотрели снисходительно.

И этим пользовались. Иные из «порядочных» замужних женщин, так называемые «светские львицы», не только допускали, но и поощряли ухаживания. Не каждая красавица-аристократка становилась «львицей»; требовались еще значительное состояние, независимый характер и претензия на успех. Без «львиц» не обходилось ни одно шумное собрание. Они охотно принимали у себя, среди них было много хозяек салонов. Светский этикет не возбранял ухаживаний за «львицей» и даже вменял гостям в обязанность расточать ей комплименты. Салонные альбомы пестрели похвалами красоте, обаянию, музыкальному или литературному таланту хозяйки.

«Светские львицы» предпочитали мужское общество. Каждая из них была окружена плеядой кавалеров, проводивших целые дни в ее доме и «обожавших» ее. Чем больше блистательных ухажеров собиралось в гостиной, тем выше был престиж «львицы» [16, с. 94]. Гости были посвящены в детали семейной жизни, знали мысли и чувства хозяйки. Обычай «обожания» подразумевал

романтические отношения, не переходящие границ платонической любви; возникавшие связи интимного плана тщательно камуфлировались.

Наряду с понятием «львица» существовало и понятие «лев», применявшееся в отношении любвеобильных светских франтов. Впрочем, «львы» и «львицы» редко составляли семейные пары. Куда чаще мужей светских «львиц» называли «ослами» [9]. Как правило, в эту категорию попадали добродушные и слабохарактерные люди, уступившие главенство властной жене и примирившиеся со своим положением. К числу послушных мужей принадлежал А. И. Пономарев, супруг С. Д. Пономаревой. По вечерам в салоне собирались гости, и жена «устраняла» благоверного «простейшими средствами»: угощала алкоголем и отправляла спать [3, с. 234]. Однако среди мужей «львиц» также встречались предприимчивые люди, умевшие извлекать пользу из своего положения. Благодаря успеху жены такой супруг приобретал значимые социальные контакты, возможности для обогащения или карьерного роста. В дневнике А. В. Богданович зафиксирована сплетня о подобном альянсе. По ее словам, генерал А. Н. Куропаткин увлекся мадам Мулен (*m-me Moulin*), женой французского военного атташе в Петербурге. Ловкий муж воспользовался этим и вместе с женой убедил Куропаткина заказать пушки для русской армии в обход Артиллерийского ведомства. «Заказ был сделан, пушки доселе не получены, а деньги были уплачены», — утверждала Богданович [1, с. 166].

Особую остроту проблеме внебрачных связей придавала сложность оформления развода. Брак, заключенный в церкви, рассматривался как союз на всю жизнь. Между тем многие пары через несколько лет, а то и месяцев после свадьбы сталкивались с проблемой супружеской неверности. Зачастую напряжение снималось путем разъезда супругов. Иллюстрацией может послужить история женитьбы Ивана Михайловича Голицына, занимавшего должность гофмаршала при Александре II. В 1861 г. он взял в жены княжну А. Н. Трубецкую, любительницу роскоши и увеселений. За несколько лет она растратила состояние мужа, бросила его и выехала за границу. Голицын остался в Петербурге, но жил отныне очень скромно, поскольку из его жалования делались вычеты в пользу кредиторов жены [4, с. 68—69]. Таким образом, формально брак сохранился, но приобрел фиктивный характер. Супруги устраивали личную жизнь по отдельности.

Распространенность любовных интрижек давала современникам хороший повод для иронии. Е. П. Ростопчина предлагала обложить специальным налогом «огненные выражения страсти» и «святые обеты верности», щедро расточавшиеся светскими сердцеедками [18, с. 104—105]. Чем можно объяснить масштабную, хотя и не всеобщую страсть к адюльтеру? Дело в том, что понятия «брак» и «любовь» мыслились раздельно. При заключении брака во главу угла ставились социальный и имущественный факторы; взаимным же симпатиям будущих супругов внимание уделялось не всегда. Как следствие, мужчины порой «женятся на деньгах», а женщины выходили за малознакомого и неприятного человека. Вот почему светское общество, в принципе, не считало любовь вне брака аморальной.

Разумеется, в отдельных случаях к изменам могли подтолкнуть и другие причины. Встречались, например, неумолимые любовники, заводившие одну

связь за другой, уезжавшие в поисках амурных приключений за границу, бросающие своих детей. Такие люди есть всегда, но их немного. Большинство цепко держалось за «собственную» любовь. Это породило неожиданные на первый взгляд метаморфозы супружеских отношений, обусловило существование устойчивых «любовных треугольников».

В романе «Отец Горио» Бальзак блестяще проанализировал логику «треугольника». Отец выдал двух дочерей за аристократов. Вскоре после свадьбы каждая завела любовника, причем отец потакал их счастью, устраивая квартиру для свиданий. По мере того как разгорались внебрачные отношения, угасали законные. Одна из дочерей призналась, что муж был отцом лишь первого ее ребенка; другая заявляла, что только крайняя нужда в деньгах заставила бы ее войти в спальню супруга. Отношения с любовниками были диаметрально противоположными. От них требовали верности, их стремились удержать, о них заботились до такой степени, что одна из дочерей не постеснялась окончательно разорить отца, лишь бы оплатить карточный долг возлюбленного.

Светская жизнь не скупилась на подобные сюжеты. Как и всякое социальное явление, интимное покровительство несло отпечаток индивидуальности действовавших лиц, и потому конкретные его примеры, будучи схожи по существу, значительно разнились в деталях. Наиболее распространенными были содействие в карьере и финансовая помощь.

Примечательной особенностью интимного покровительства было стремление покрепче привязать близкого человека к себе. Например, известный меценат С. И. Мамонтов сошелся с певицей Т. С. Любатович; эта связь вскоре разрушила его семейную жизнь. В 1885 г. в Москве была основана частная опера, причем современники полагали, что Мамонтов пошел на это ради «прославления своей любовницы» [17]. Для нашего исследования несущественно, была ли забота о Любатович единственным мотивом создания театра; важно то, что Мамонтов не просто содействовал карьере своей возлюбленной, но и получил контроль над ней.

Обсуждая тему контроля в рамках интимного покровительства, хотелось бы сослаться на анекдотичный эпизод, рассказанный А. В. Богданович. Один «прелюбодейный» чиновник, занимавший значительный пост, за казенный счет устраивал своим любовницам путешествие в Париж. Для этого он оформлял их агентами полиции. Однако, сомневаясь в женской верности, он отправлял следом настоящих сыщиков, наблюдавших за поведением фавориток [1, с. 181].

Покровительство предполагает неравенство. В приведенных примерах один из партнеров, обладавший большими финансовыми возможностями или социальным капиталом, содействовал успехам другого или просто наделял его деньгами. Мотивы интимного покровительства, по-видимому, следует искать скорее в филантропических побуждениях старшего партнера, нежели в практическом расчете.

Интимное покровительство могло дать старт головокружительной карьере. По словам А. А. Половцова, именно любовная связь позволила выбиться в люди Валериану Дмитриевичу Мартынову. В молодости Мартынов служил казначейским офицером в глухой провинции. Ему повезло: он приглянулся О. И. Чертовой, жене генерала М. И. Чертова, и та просила мужа взять Мар-

тынова в адъютанты. Чертков имел неосторожность уступить. Завязавшийся роман получил огласку и привел к «скандалу в семействе». Влиятельные родственники Черткова поспешили удалить Мартынова и добились его перевода в адъютанты престолонаследника. Так, волею судьбы провинциальный офицер обрел высокое положение. По отзыву Половцова, в столице многие испытывали «отвращение» к Мартынову, толковали «о денежных его злоупотреблениях». Однако эти пересуды не слишком повредили его карьере. Мартынов получил генеральские эполеты, сменил несколько крупных должностей и был назначен в Сенат [13, с. 372—373].

Любовный роман мог побудить к покровительству, но и напротив, акт покровительства мог обернуться началом романа. Герой подобной истории, князь Е. Н. Трубецкой, принадлежал к числу гостей салона М. К. Морозовой. Молодая вдова и наследница большого состояния, Морозова благоволила к нему. В годы первой русской революции она взяла на себя роль патрона: Трубецкой получал от нее финансовую помощь для своей газеты [10, л. 2, 4, 5]. Поначалу их переписка носила деловой характер. Однако постепенно между строк стала проглядывать взаимная симпатия. Трубецкой был женат, поэтому из-под его руки выходили два сорта писем: первые, просматривавшиеся супругой, были составлены в официальном ключе; вторые, передававшиеся тайно, пестрели романтическими фразами: «милая, дорогая, хорошая», «как сильно я радуюсь Вас видеть», «много раз целую Ваши руки» [10, л. 12]. Вскоре князь Трубецкой сделал попытку к сближению, обосновывая это тем, что «чувство с обеих сторон слишком горячо» [10, л. 32—33]. Морозова ответила взаимностью. Ее письма к князю были полны любовных признаний: «дорогой мой, ангел мой, жизнь моя! ...Как я тебя люблю, как я тебя обожаю!» [11, л. 6—6 об.]. Однако молодую вдову, по-видимому, не устраивало положение любовницы; она предприняла попытку вырвать Трубецкого из семьи.

Морозова старалась убедить возлюбленного, что его жена, Вера Александровна Трубецкая, не соответствует его интеллектуальному уровню и неспособна составить его счастье. В одном из писем говорилось: «С В. А. у тебя никакого обмана нет, есть полная возможность дружбы. <...> Неужели вы оба думаете, что такие огромные силы, какие поднялись в тебе, можно задавить? <...> Не понимает-ли В. А., что ты можешь заболеть от такой душной жизни?» [11, л. 26—27 а]. Нажим не дал немедленного результата. Тогда соперницы перешли к позиционной войне под маской женской дружбы. Они завели переписку, вместе гуляли, делали друг другу визиты. В одном из писем В. А. Трубецкой говорилось: «Мы лично ближе узнали друг друга, и то чувство, которое могло бы нас разъединить, нас сблизило, мы соединились на хорошем высоком и чистом чувстве, и я верю, что наше с вами сближение глубоко» [12, л. 1—1 об.]. Трубецкая лукавила. Суть ее стратегии, хорошо известной светскому обществу, раскрыта в «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова. Столкнувшись с конкуренцией в личной жизни, надлежало не устраивать скандалов, но попытаться обнаружить слабости противника и, выждав подходящую минуту, выставить их напоказ. Иначе говоря, «стряхнуть блески», которыми соперник «ослепляет глаза» любимого человека [5]. По-видимому, в данном случае метод дискредитации соперницы не сработал. Несколько лет противо-

стояния не принесли победы ни одной из сторон: Е. Н. Трубецкой не бросил жену и продолжал бывать у М. К. Морозовой. Переписка между женщинами была оборвана, их встречи прекратились [12, л. 24—25 об.]. Классический любовный «треугольник» расставил всех по местам.

Рассматривая интимные чувства как двигатель отношений покровительства, нельзя ограничиться обзором одних гетеросексуальных связей. В некоторых российских (как, впрочем, и европейских) салонах процветала однополая любовь. В качестве образца можно привести салон князя В. П. Мещерского.

Видную роль в нем играли «духовные сыновья», любимцы Мещерского (И. И. Кольшко, Н. Ф. Бурдуков, И. Ф. Манасевич-Мануйлов и другие). Как известно, понятие «духовного» родства связано с обрядом крещения. «Духовным» называли крестного отца, возлагавшего на себя попечение о крестнике. Разумеется, В. П. Мещерский не крестил своих «сыновей», однако использование данного смыслового кода подчеркивало существование тесной связи между ними. В дневниках и мемуарах современников неоднократно звучала мысль, что эта связь носила интимный характер.

Мещерский много протезировал своим партнерам. Широкую известность получила история с трубачом (капельмейстером). В середине 1880-х гг. по Петербургу поползли слухи, что солдат из лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской фамилии батальона попал в поле зрения князя Мещерского и стал его любовником. Эти слухи находят косвенное подтверждение в переписке хозяина салона. Так, в одном из писем, адресованных вице-директору Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов Н. А. Ермакову, Мещерский писал: «...решаюсь или, вернее, позволяю себе решиться Вас просить убедительно, в качестве Дир(ектора) Деп(артамен)та и влиятельного лица при М(инист)ре Финансов, сделать счастливым одного маленького человека, лишённого претензий; человек этот капельмейстер в Императ(орской) Фамилии Стрелковом батальоне... Военное начальство согласно ему дать Станислава 3 степени, но для этого надо, чтобы представление пошло в виде ходатайства от Начальства Выставки, то есть от М(инистерст)ва Финансов к Военному Министру.

Если есть малейшая возможность, окажите эту услугу!

Ваш сердечно В. Мещерский

Фамилия капельмейстера Пабуда» [14, л. 13—14].

Настойчивые просьбы о награде для простого капельмейстера, звучавшие из уст рафинированного аристократа В. П. Мещерского, не могли не насторожить военное начальство. Командир батальона граф Ф. Э. Келлер узнал о связи, наказал капельмейстера и запретил ему видеться с Мещерским. В ответ газета Мещерского «Гражданин» стала пускать в Келлера ядовитые стрелы, добиваясь его отставки. 7 сентября 1887 г. Ф. Э. Келлер был уволен в 8-месячный отпуск с отчислением от командования батальоном [2, с. 141]. Дело вышло на поверхность, и светские сплетники получили повод смаковать пикантные детали. Пересуды о «постыдной страсти» доставили В. П. Мещерскому много беспокойства.

«Духовные сыновья» пользовались безоговорочной поддержкой князя Мещерского. Он остро реагировал даже на маленькие знаки невнимания к ним. Внушительный нажим сказался на служебном росте и финансовом состоянии

«духовных сыновей». Примером может послужить история отставного офицера Иосифа Колышко. Он попал в ряды авторов «Гражданина», где приобрел известность под псевдонимом «Серенький». Впрочем, журналистская стезя не давала Колышко достаточных средств, и Мещерский взялся подыскать ему доходную и необременительную службу, а до той поры, чтобы младший партнер ни в чем не нуждался, содержал его на свой счет. Об этом любопытном факте повествует письмо Мещерского Витте: «С попыткою себя облегчить я снова решился к Вам обратиться с просьбою устроить обеспеченное несчастному Колышке положение на частной службе, дабы легче мне стало жить, так как на мне лежит долг чести его обеспечивать, и я ежегодно ему плачу 6000 рублей. Вы вошли по-видимому в мое положение и обещали устроить судьбу Колышки: но, увы, и тут мне не повезло, ибо Колышко получил 2000 рублей в год, и следовательно на мне осталось обязательство ему доплачивать 4000 рублей ежегодно» [15, л. 1 об.].

Хотя Мещерский ссылаясь на «долг чести», обязывавший содержать Колышко, Витте разглядел за этим «долгом» интимную связь: в «Воспоминаниях» он причислил Колышко к группе молодых людей, сблизившихся с Мещерским «на почве противоестественных грязных страстей» [8, с. 266]. Впрочем, это обстоятельство не помешало Витте содействовать карьере Колышко, получившего должность чиновника особых поручений при министре путей сообщения.

Другой «духовный сын», Н. Ф. Бурдуков, жил у Мещерского и унаследовал его недвижимое имущество, стоимость которого к моменту вступления в права оценивалась в 105 500 руб. Пользуясь своим влиянием, Мещерский определил Бурдукова на службу поближе к толкотне министерских приемных. В письме от 12 мая 1904 г. издатель «Гражданина» уговаривал В. К. Плеве сделать «глубоко сердечного», «чистого», «честного» и «деликатного» Бурдукова чиновником особых поручений при Министре внутренних дел [6, л. 27]. Убийство Плеве никак не повлияло на планы пристроить Бурдукова к теплomu местечку. Князь обратился к П. Д. Святополк-Мирскому с той же просьбой: «Я прошу С. Ю. Витте взять на себя перед Вами ходатайство за судьбу некоего Бурдукова, подвешенную на нитке в минуту смерти Плеве. Витте Бурдукова хорошо знает — это... способный и верный человек» [7, л. 8 об.].

Назойливая протекция Мещерского помогла Бурдукову сделать быструю карьеру. В короткое время Бурдуков дослужился до действительного статского советника, стал камергером и получил три тысячи рублей ежегодной пенсии. Таким образом, протекция издателя «Гражданина» заставила многих влиятельных лиц действовать во благо «духовных сыновей», порой им лично незнакомых или неприятных. История взаимоотношений Мещерского и его молодых друзей убеждает в том, что интимные связи служили особым каналом рекрутирования в те элитарные круги, которые пользовались внушительным влиянием в России рубежа столетий.

Подведем итоги. Внебрачная любовь не роняла человека в глазах светского общества, при условии, что он воздерживался от демонстративных жестов и не допускал обнародования доказательств супружеской измены (или, как в случае «духовных сыновей», нетрадиционной сексуальной ориентации). При этом мужчинам прощалось много больше, чем женщинам.

Интимное покровительство позволяло людям, лишенным блестящих родственных связей, найти опору в сильном человеке. Старшим партнером в этих отношениях, независимо от пола, выступал тот, кто обладал большими ресурсами. Финансирование нужд младшего партнера встречалось достаточно часто, хотя далеко не в каждом случае позволительно говорить о корыстной любви.

Внебрачные связи открывали новые возможности для строительства карьеры, что подтверждается примерами В. Д. Мартынова, Т. С. Любатович или «духовных сыновей». В то же время, принимая помощь, человек рисковал оказаться заложником своей репутации. Упоминая о нем, современники, как правило, указывали на его близость к старшему партнеру. При желании это позволяло дискредитировать человека, изобразить его «приживалкой», прячущейся в тени покровителя и всем обязанной ему.

Библиографический список

1. *Богданович А. В.* Три последних самодержца. М. : Новости, 1990. 608 с.
2. *Богданович Е. В.* Стрелки императорской фамилии : ист. очерк. СПб. : Тип. Р. Голике, 1899. 183 с.
3. *Вацууро В. Э.* Избранные труды. М. : Яз. слав. культуры, 2004. 823 с.
4. *Голицын М. В.* Мои воспоминания (1873—1917). М. : Жизнь и мысль, 2007. 768 с.
5. *Гончаров И. А.* Обыкновенная история : роман : в 2 ч. // Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. СПб. : Наука, 1997. Т. 1. 469 с.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 586. Оп. 1. Ед. хр. 904. (В. П. Мещерский — В. К. Плеве). Далее: ГАРФ.
7. ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Ед. хр. 1086. (В. П. Мещерский — П. Д. Святополк-Мирскому).
8. Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. СПб. : Д. Буланин, 2003. Т. 1, кн. 1. 521 с.
9. *Мещерский В. П.* Женщины петербургского большого света : оригинальный роман : в 3 ч. СПб. : Тип. В. П. Мещерского, 1879. Ч. 2. 462 с.
10. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 171. Карт. 6. Ед. хр. 1. (Е. Н. Трубецкой — М. К. Морозовой). Далее: НИОР РГБ.
11. НИОР РГБ. Ф. 171. Карт. 3. Ед. хр. 3. (М. К. Морозова — Е. Н. Трубецкому).
12. НИОР РГБ. Ф. 171. Карт. 2. Ед. хр. 35. (В. А. Трубецкая — М. К. Морозовой).
13. *Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря : в 2 т. М. : Центрполиграф, 2005. Т. 2 : 1887—1892. 640 с.
14. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2555. Оп. 1. Ед. хр. 1097. Л. 13—14. (В. П. Мещерский — Н. А. Ермакову).
15. Российский государственный исторический архив. Ф. 1622. Оп. 1. Ед. хр. 449. (В. П. Мещерский — С. Ю. Витте).
16. *Соллогуб В. А.* Повести ; Воспоминания. Л. : Худ. лит., 1988. 720 с.
17. *Щербатов С.* Художник в ушедшей России. М. : Согласие, 2000. 686 с.
18. *Ясновидящая* (Ростопчина Е. П.). Очерки большого света. СПб. : Тип. К. Неймана, 1839. 207 с.

ББК 63.3-75

П. В. Волошун

«ЛЕТНИЙ ПЕРИОД» ЖИЗНИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛИЗАВЕТЫ ФЕДОРОВНЫ В ИМЕНИИ ИЛЬИНСКОЕ

Историческая повседневность представительниц высших образованных слоев российского общества хранится в материалах переписки, дневников и воспоминаний. На обыденную жизнь великой княгини Елизаветы Федоровны позволяет взглянуть анализ ее личной переписки, дневники и воспоминания ее ближайшего окружения. Особенно широко представлен материал касающийся ее летнего времяпрепровождения в период с 1884 по 1896 г.

Тогда большую часть года Елизавета Федоровна проводила в имении супруга — великого князя Сергея Александровича — в подмосковном Ильинском. Судя по фотографиям, сохранившимся в личных фондах гостей и обитателей имения, Ильинское значительно отличалось от привычных роскошных дворцов аристократии дореволюционного времени своей простотой. Баронесса Буксгевден писала в своей книге: «Великий князь Сергей Александрович и его жена жили простой сельской жизнью, вместе со своими слугами и немногими избранными друзьями, которые — по принятой в России традиции — подолгу гостили у них в имении. Все это необычайно нравилось великой княгине» [1, с. 5]. Князь Феликс Феликсович Юсупов вспоминал: «Усадьба у них была устроена со вкусом, в духе английского сельского дома» [12, с. 71]. Племянница великих князей Мария Павловна «младшая» рассказывала, что дядя унаследовал имение «от своей матери, императрицы Марии Александровны, которая на склоне лет нашла здесь убежище от утомляющего церемониала придворной жизни» [4, с. 22—23] (см. также: [3, л. 39—46]). Она также писала, что «дом был невелик и выстроен из дуба». Что касается обстановки в комнатах, то она «не отличалась роскошью» [4, с. 23].

Великокняжеская чета проводила в имении Ильинское летние месяцы, с наступлением весны покидая городские резиденции и пребывая в деревне до поздней осени. Когда великие князья проезжали по деревням, принадлежащим им, дома были украшены флагами и подносилась хлеб-соль [6, с. 1—4 об.]. Племянница Мария Павловна рассказывает, что переезд в Ильинское походил на переселение целой деревни, если судить по количеству прислуги и свиты [4, с. 23].

Добирались либо экипажами, либо по железной дороге от станций Одинцово (существует с 1870 г., Белорусское направление) и Химки (с 1851 г., Ленинградское направление).

День в Ильинском наступал для каждого по-разному, каждый вставал когда хотел [3, л. 39—46]. Для великой княгини утро начиналось вместе с подъемом супруга, около 8 часов [10, л. 5—7 об.]. Сергей Александрович уходил на

осмотр хозяйства, а Елизавета Федоровна предпочитала прогулку в саду в одиночестве [4, с. 25]. Великая княгиня любила цветы и посвящала их собиранию и рисованию часы, дни и недели своей жизни в Ильинском: «Я занята тем, что расписываю цветами двери своей маленькой гостиной» [2, с. 63]. Вся прогулка занимала около часа, и к 9 часам супруги отправлялись пить кофе на балкон *en famille* [5, л. 81—84]. Это было приятное времяпрепровождение в узком кругу семьи. Сергей Александрович читал газеты, а Елизавета Федоровна листала «английские журналы или французские журналы мод», вырезая понравившиеся иллюстрации. Она «собирала вырезки в альбомы, используя их при разработке своих туалетов» [4, с. 25].

Когда чаепитие заканчивалось, примерно в 10 часов, Елизавета Федоровна проводила время за уроками по русскому языку или же на реке («Каждый день я купаюсь в реке — вода такая чистая, теплая, одно удовольствие» [2, с. 61]), иногда в саду, где в поисках прохлады «устраивалась в тени крытой террасы» [4, с. 26]. Там Елизавета Федоровна рисовала [2, с. 132] или вышивала с фрейлинами под чтение вслух [4, с. 26]. Или она присоединялась к супругу, отправлявшемуся за грибами: «Мы ежедневно делаем чудесные походы за грибами, несколько раз набирали больше 300» [2, с. 135]. Екатерина Адольфовна Шнейдер замечала в своих записях: «Прогулки за грибами бывают каждый день, но всегда в какой-нибудь другой лес» [6, л. 1—4 об.]. Порой обитатели Ильинского играли в эти часы в бильярд, бадминтон, жмурки [2, с. 88]. Великий князь шутил: «Все паслись в саду или играли в теннис» [5, л. 81—84].

Завтрак в Ильинском наступал в час дня [10, л. 5—7 об.]. Екатерина Адольфовна Шнейдер описывает один случай: «Завтрак был сервирован в библиотеке (отдельный дом в парке), о чем никто не знал, все по обыкновению явились в столовую и, найдя стол не накрытым, отправлялись отыскивать где завтракать» [6, л. 1—4 об.]. Иногда завтраки носили официальный характер, и тогда за столом «собиралось человек пятнадцать-двадцать» [4, с. 26]. В другие же дни члены семейства и их близкие оставались одни. «За завтраком сидело семь дам и один великий князь (Сергей Александрович. — П. В.), так как в этот день великий князь Павел Александрович с М. П. Степановым уехали в Москву на скачки» [6, л. 1—4 об.].

После утреннего кофе завтрак был по счету вторым приемом пищи и отличался большей плотностью [4, с. 26]. Подавались к столу на завтрак «*rastegais et petits pates*», «*maréchale de pre-sale aux petits pois*», «*salade concombres*», омары под соусом, рябчики, цесарки и цыплята жареные, студень из ершей. Из супов — «*potage puree*», суп из артишоков. Помимо этого на столе были «*kournik*», кулебяка, булочки, сыр, икра, блины и каштаны — «*bordure de marrons aux glaces a la parisienne*». На десерт подносились персики с рисом, холодный пломбир, иногда с оригинальным названием — «*d'ananas à la donzelle*».

После завтрака пили чай или кофе на примыкающей к столовой веранде или на балконе [11, с. 11], в покоях великой княгини [4, с. 26]. Затем шли гулять и за грибами либо навещали соседей, чаще отправлялись пешком к Юсуповым [4, с. 27], напившись там чаю возвращались обратно в имение [3, л. 39—46]. Великий князь Сергей Александрович об этом писал: «Благодаря чудной погоде мы ежедневно совершали прогулки со всем обществом и обыкновенно ездили

пить чай к разным соседям» [9, л. 21—24 об.]. Елизавета Федоровна, только приехав в Россию, об этих посещениях отзывалась следующим образом: «Со своими соседями мы видимся очень часто; все они такие приятные люди, что я сразу же почувствовала себя с ними как дома» [2, с. 51].

Прогулки в гости к соседям привели к созданию крепкой компании, настроенной весело проводить время [2, с. 51]. То, что время проходило действительно весело, свидетельствует гостевая книга, куда записывались смешные случаи из жизни в Ильинском, а также «про выпивки, про пикники, и много всякой чепухи!» [10, л. 5—7 об.]. Баронесса София Карловна Буксгевден вспоминала, что Елизавета Федоровна на самом деле «отличалась веселым и неунывающим характером, обладала большим чувством юмора» [1, с. 38].

Когда стояла сухая погода и дороги позволяли проехать большим экипажам, семейство и его окружение ездили кататься [4, с. 19]. Поездки в экипажах сменялись верховыми прогулками, иногда они совершались Елизаветой Федоровной в компании, иногда в одиночестве [2, с. 55]. По словам очевидцев, она красиво держалась в седле и мастерски управляла лошастью. Великая княгиня надевала на такие прогулки амазонку, которая казалась совсем короткой, на голову — маленькую фетровую шапочку [3, л. 39—46].

Однако что оставалось неизменным, в любую погоду [2, с. 64], так это прогулки пешком. Порой длились они по 2 часа [8, с. 103—104]. В жару хозяева и гости имения наряжались в белые и ситцевые платья и уходили на прогулку, иногда устраивали в лесу чаепитие и пикники [2, с. 79]. Великая княгиня заботилась о белизне кожи и самостоятельно готовила отбеливающий лосьон для лица из огуречного сока и сметаны, неизменно появлялась на свежем воздухе в шляпке и с зонтиком [4, с. 20].

Время до обеда Елизавета Федоровна посвящала написанию писем и переодеванию. Великая княгиня, будучи очень красивой женщиной [4, с. 19], всегда уделяла много внимания своему внешнему виду, и пребывание в деревне в менее официальной обстановке не расслабляло ее. Елизавета Федоровна принимала ванну, затем ее одевали камеристки, делали прическу, и после последних штрихов великая княгиня была готова. Все переодевание занимало около часа и должно было завершиться к определенному времени [4, с. 26], поскольку супруг стучал в дверь со словами, что обед готов [4, с. 21].

В 20.00 — 20.30 все собирались в столовой [2, с. 98]. Согласно правилам этикета супруги садились напротив друг друга в разных концах стола, и великие князья не были исключением. Между ними располагались другие члены семьи и свиты [4, с. 26]. На обед подавали «mayonnaise de starlet au beurre Mompelion», «poulardes et gibier rôtis», «salade macedoine», «profiteroles à la Bretonne», десерт состоял из «sauce chocolat». Несмотря на то что обед длился с восьми-полдевятого до 11 часов вечера, т. е. два с половиной — три часа, перемена блюд происходила быстро [3, л. 39—46].

По окончании обеда, пока убирали со стола, хозяева и гости проходили в гостиную великой княгини. Туда приносили кофе, и в одной комнате, собравшись вместе, каждый занимался своим делом. Обычно танцевали, играли на рояле, рисовали или выжигали под чтение вслух, играли в карты или бильярд. Иногда выходили гулять по парку или катались на лодках [2, с. 131].

И так до 11 часов, пока не подавали вечерний чай [3, л. 39—46]. Если позволяла погода [2, с. 99], то чай пили на террасе, где и засиживались допоздна [9, л. 21—24 об.]. Случалось, что по вечерам ездили к соседям и возвращались поздно, «только после трех», хорошо повеселившись [2, с. 50]. Около полуночи обитатели Ильинского откланивались и расходились по своим спальням. В это время Елизавета Федоровна садилась за письма: «Сейчас все ушли спать, я всегда использую тихие вечерние минуты и сажусь за письма» [2, с. 132]. Так завершался «обычный день» в жизни великой княгини Елизаветы Федоровны в имении Ильинское.

Для нее это было место, где в узком кругу родных и близких без жестких поведенческих регламентаций протокола она могла быть сама собой и, как следствие, более раскрепощенной в своих мыслях и поведении. Это давало ей возможность и в официальной деятельности быть искренней в своих порывах изменить к лучшему жизнь обычных людей. В принципе, она могла позволить себе остаться в протестантской религии и, как любая другая представительница Императорского Дома, заниматься семьей и писать мемуары. Однако характер Елизаветы Федоровны требовал иного, и понятие «рая в Ильинском» она включила в «рай для других», когда сумела отойти от сухости предыдущих благодеяний аристократии и привнесла свое видение социальной деятельности.

Гармонии деревенской жизни Елизавета Федоровна достигла благодаря тщательному продумыванию всего вплоть до мелочей в своей обыденной повседневной реальности. Режим дня был выстроен таким образом, чтобы не было места праздности и скуке и в то же время чтобы оставалась свобода действий и передвижений. Антиподом этой гармонии стала вторая половина жизни Елизаветы Федоровны: насколько все было хорошо в Ильинском, настолько было тяжело в Москве. При взгляде со стороны не может не возникнуть мысль о некоем жизненном авансе на подлинное счастье, выданном великокняжеской чете.

Елизавета Федоровна вместе с супругом создала то, что именуется одним словом «Ильинское». Это понятие, включающее в себя простоту и веселье, естественность и здоровый образ жизни, узкий (скорее, проверенный и преданный) круг общения [2, с. 235] и отдых. Позже, когда их мир пошатнулся, Елизавета Федоровна восклицала в письме к Павлу Александровичу: «Неужели ты забыл Ильинское?» [2, с. 360]. Этот вопрос свидетельствует о том, что речь шла не об обычном времяпрепровождении в загородном имении, а о чем-то большем и ценном для великокняжеской четы и их близких, о чем невозможно забыть. Поэтому великая княгиня сама твердо отвечала на свой вопрос: «Уверена, что нет».

Библиографический список

1. Буксгевден С. Венценосная мученица : жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы всероссийской / пер. с англ. Н. Б. Лебедевой. М. : Рус. Хронограф, 2006. 528 с.
2. Великая княгиня Елизавета Федоровна и император Николай II : документы и материалы (1884—1909 гг.) / авт.-сост. А. Б. Ефимов, Е. Ю. Ковальская ; подгот. текстов П. В. Волошун. СПб. : Алетейя, 2009. 848 с.
3. Воспоминания В. Ф. Джунковского, август 1886, Ильинское // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 826 (В. Ф. Джунковский). Оп. 1. Д. 41. Далее: ГАРФ.

4. Воспоминания великой княгини Марии Павловны. М. : Захаров, 2004. 511 с.
5. Дневник вел. кн. Сергея Александровича // ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 32.
6. Дневниковая запись Е. А. Шнейдер в Ильинском // ГАРФ. 1887. Ф. 1115. Оп. 1. Д. 7.
7. Император Николай II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1340.
8. Император Александр III и императрица Мария Федоровна : переписка, 1884—1894 годы. М. : Рус. слово, 2005. 352 с.
9. Переписка цесар. Николая Александровича от 22 сентября 1887, Ильинское // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1340.
10. Степанов М. Воспоминания об Ильинском // ГАРФ. Ф. 1115. Оп. 1. Д. 7.
11. Степанов М. Село Ильинское : ист. очерк. М. : Синод. тип., 1900. 304 с.
12. Юсунов Ф. Мемуары. М. : Захаров, 2004. 432 с.

ББК 60.561.51

Н. В. Досина, Я. О. Смирнов

ВОСПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ В КОНТЕКСТЕ ПРОНАТАЛИСТСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Проблемы эффективного включения семьи в сферу демографической политики государства неоднократно поднимались в рамках как теоретических, так и прикладных исследований. Основной практический вопрос заключается при этом в видении комплекса и соотношения факторов, под воздействием которых происходит интеграция семьи в новый режим социальных, экономических, политических отношений. В первую очередь важно иметь в виду соотношение экзогенных (внешних) и эндогенных (внутрисемейных) факторов. Экзогенные факторы обусловлены внешними тенденциями социальных изменений, выражающих давление, принуждение; они характеризуют изменение семьи под воздействием жестких экономических, социальных, политических тенденций (средний уровень дохода, заработной платы, жилищной обеспеченности и др.). Эндогенные же факторы обнаруживают потенциальные возможности, заключенные в самом явлении, они характеризуют изменение представлений членов семьи под воздействием коммуникационных, психологических, религиозных или культурных процессов (мнение «значимых других», друзей и знакомых, уровень образованности, религиозности, ценностная ориентация и др.).

Вопрос о роли экзогенных и эндогенных факторов в функционировании и развитии семьи, в принятии ответственных решений (продолжение рода, планируемое количество детей, оптимальный возраст их рождения и др.) является одним из самых сложных в современной социологии. Ведущие российские

специалисты, на основе общероссийских и международных исследований, выступают с различными рекомендациями по проведению эффективных пронаталистских мер социально-демографической политики, ориентирующих на оптимальный учет экзогенных факторов. Н. М. Римашевская акцентирует внимание на необходимости ликвидации бедности и укрепления здоровья семьи (физического, эмоционального, духовного), особенно молодой. В Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН изучаются вопросы бедности и здоровья семьи, анализируется роль качественных характеристик человеческой популяции. Исследования Н. М. Римашевской показывают, что человеческий потенциал в России имеет нисходящую тенденцию: если в 1990 г. Россия занимала 26-е место в ранжированном ряду 120 стран, то в 2002 г. — только 57-е (см.: [3, с. 13, 14]).

По мнению Б. С. Хорева, на базе современной рыночной экономики, нацеленной на перманентное стремление родителей к получению дохода или прибыли, нельзя создать соответствующих условий для повышения рождаемости [1, с. 515—516]. Не исключая возможности ужесточения некоторых административных мер (запрет на аборт, введение общероссийского налога на бездетность или малодетность) и обосновывая эндогенный подход к демографической политике, он показал значимость дополнительного пути выхода из демографического кризиса — внеэкономического, ценностного стимулирования воспроизводственной функции семьи.

Мнение Б. С. Хорева о приоритетности социокультурных факторов в стимулировании рождаемости и реализации воспроизводственной функции семьи поддерживает А. И. Антонов. Он полагает, что некоторые демографы склонны преувеличивать значение фактора материального положения и уровня жизни семьи для повышения рождаемости. Экономическим стимулированием можно снять существующие финансовые ограничения потребности в детях (недостаток жилья, маленькие доходы, плохие бытовые условия), но не решить проблему реализации воспроизводственного потенциала семьи полностью — в систему мер демографической политики должны входить меры внеэкономического стимулирования рождаемости [2, с. 93—103].

Мы решили включиться в существующий научный дискурс о факторном развитии социально-демографических процессов в современной России, дополнив его данными прикладного социологического исследования в Ярославской области. На базе Научного центра гендерных исследований при Ярославском государственном университете им. П. Г. Демидова летом 2010 г. нами было проведено социологическое исследование по проблеме «Социальные нормы детности и специфика их реализации в социальных группах ярославской молодежи». Выборка составила 620 человек — жителей г. Ярославля и Ярославской области, ранжированных по различным основаниям (пол, возраст, наличие детей, брачное состояние, условия проживания и т. д.), выборка респондентов была квотной. Цель исследования состояла в анализе совокупности факторов реализации воспроизводственной функции и воспроизводственного потенциала семьи.

Изначально было решено определиться, насколько осведомлены ярославские респонденты о тех возможностях реализации воспроизводственного по-

тенциала собственной семьи, которые предоставляют им государственные и муниципальные органы власти. Вне зависимости от пола и наличия или отсутствия детей 67 % респондентов источником получения информации о мерах семейной и демографической политики называют телевидение и радио — средства, которые, по нашему мнению, являются лишь инструментом донесения информации о новых мерах демографической политики, но не раскрывают этих мер [5]. Это позволяет предположить, что информированность респондентов о мерах социально-демографической политики невысока, в основном только материнский (семейный) капитал выступает предметом обсуждения на ТВ и радио, но и его роль в повестке дня постепенно снижается. Единственным официальным источником информации о мерах демографической политики являются, на наш взгляд, печатные источники — газеты, в том числе «Российская газета». Однако к таким источникам прибегают только 13 % респондентов. Интернетом как источником информации пользуется еще меньше респондентов — чуть более 5 %. Кроме того, многие осознают, что зачастую просматривают в Интернете заведомо неточную информацию о принятых мерах и очень ограниченную — о самой демографической политике.

Ситуация с использованием средств массовой информации предопределила информированность респондентов о мерах социально-демографической политики. По результатам исследования, 33 % респондентов полностью согласились с утверждением «Я всецело информирован о проводимой демографической политике и ее мерах», еще 30 % — частично согласились. Таким образом, 63 % респондентов считают, что в какой-то мере информированы о мерах демографической политики, в то время как конкретные меры демографической политики смогли назвать лишь 40 %, по большей части сославшись на сведения о материнском (семейном) капитале. Еще 24 % респондентов указали «жилищные субсидии» и ипотеку как конкретные меры демографической политики. Иные меры известны не более 8 % ярославских респондентов.

Не удивительно, что слабая информированность о мерах социально-демографической политики сочетается со слабым знанием задач такой политики. Респондентам был задан вопрос «Какие задачи призвана решать социально-демографическая политика?»; он был задан в закрытой форме, т. к. основной перечень задач представлен в Концепции демографического развития Ярославской области и выражен в анкете в виде переменных. Распределение ответов позволило судить о степени осведомленности респондентов. Ими называется в среднем до 40 % всех задач социально-демографической политики, современные молодые люди по преимуществу не осведомлены обо всех возможностях реализации воспроизводственного потенциала собственной семьи. Этот вывод закрепляется анализом выбора респондентами вариантов ответа, в большинстве своем оценивающих государственные меры материального поощрения рождаемости (74—77 %), а не нематериальные меры.

Исследование показало, что сегодня существует значительный разрыв между субъективными устремлениями граждан и реальными возможностями получения полной и достоверной информации о современной социально-демографической или семейной политике. Очевидно, что эффективность самой политики в ее пронаталистском варианте во многом будет зависеть от ка-

чества реализуемой в ее рамках информации. Подготовка и распространение такой информации требует от органов власти дополнительных усилий. Они должны быть направлены прежде всего на концентрацию и централизацию необходимой информации в виде единого электронного реестра государственных и муниципальных мер социальной поддержки населения, обеспечения его социальных, правовых, экономических гарантий. Реестр государственных и муниципальных услуг должен быть доступен гражданам как в сети Интернет, так и в локальных сетях государственных и муниципальных служб (собес, соцстрах, пенсионные фонды, органы власти и др.) [4], где каждый гражданин, введя необходимые конкретизирующие данные в систему о себе или своей семье, количестве детей, может получить исчерпывающий список доступных мер социальных гарантий и мер поддержки, а также информацию об их практической реализации.

Современная социально-демографическая политика в рамках развития гражданского общества и правового государства не может существовать в отрыве от полноценной социальной и экономической политики, политических трансформаций, обеспечивающих эффективное поступление сигналов с уровня семьи и личности на уровень общества и государства. Как влияют эти трансформации на развитие потребности семьи в детях — один из сложнейших вопросов в современной социологии. В данном случае потребность в детях — это, по сути, усвоенные индивидом в процессе всех трансформаций, в процессе социализации нормы детности. Трансформация семейных отношений в XIX — начале XXI в., вызванная самыми различными причинами (снижение экономической потребности семьи в детях, эмансипированность женщин-матерей, модернизационные процессы развития сферы услуг и др.), выразилась в разрушении социальных норм многодетности и распространении норм малодетности. Норма детности в советское время в России формировалась под влиянием «контракта работающей матери», распространенного в обществе мнения об обязанности каждой женщины активно трудиться и иметь достаточно большую (желательно многодетную) семью. В настоящее время регуляция деторождения с помощью социальных норм не предполагает создания широкого набора правил, направленного на все жизненные случаи. Каждая семья вправе самостоятельно выбирать модель и планировать количество и периодичность рождения детей.

В рамках нашего исследования потребность в детях была определена на основе методологии социокультурного подхода [2] — через переменные ожидаемого, планируемого и желаемого количества детей, отраженные в анкетах. В первую очередь была проанализирована взаимосвязь потребности в детях и ценностной ориентации респондента в выборке. С помощью факторного анализа большое число переменных-ценностей, относящихся к имеющимся наблюдениям, было сведено к меньшему количеству независимых влияющих величин — факторов. В один фактор при этом были объединены переменные-ценности, сильно коррелирующие между собой, что дало возможность обозначить названия факторов. Респондентам предлагалось высказаться о значимости для них различных ценностей при принятии решения о количестве детей в семье (от абсолютно значимых до абсолютно не значимых).

В результате анализа полученных ответов были выявлены четыре фактора, объясняющие в общей сложности 70 % дисперсии. Во-первых, религиозные ценности (любовь к ближнему, любовь к Богу, Божественная мудрость, вера в Бога и др.), получившие наибольшую поддержку опрашиваемых (28 % дисперсии без вращения). Во-вторых, традиционные семейные ценности (дети, зарегистрированный брак, материнство, отцовство и др. — 18 %). В-третьих, ценности гендерного равноправия или ответственного родительства (взаимовыручка, совместное решение, семья, взаимопонимание и др. — 13 %). В-четвертых, ценности идеологического характера (либерально-демократические ценности — 11 %).

Исследование выявило значимую статистическую связь всех четырех факторов с репродуктивными намерениями респондентов; анализ полученных социологических данных показал, что ранговая корреляция по Спирмену находится в пределах, больших 0,7. Значимость различий между социальными группами с разной потребностью в детях в отношении четырех факторов оказалась довольно высокой: r находится в пределах 0,2—0,3. Для анализа различий использовался тест Колмогорова — Смирнова, т. к., в частности, количество категорий для тестируемых переменных было ограниченным. В итоге анализа оказалось, что наибольшее стремление к рождению детей демонстрируют респонденты с религиозными взглядами, а также те граждане, которые, стремясь к воплощению в своей семье идей справедливости и равноправия, принимают идеологию гендерного равноправия в семье, или сознательного родительства (коэффициент корреляции = 0,9; $p = 0,05$); затем следует группа респондентов, ориентирующаяся на традиционные семейные ценности (коэффициент корреляции = 0,6; $p = 5\%$). Респонденты, ориентированные на либеральные ценности, при принятии решения о рождении детей «показали» обратную корреляцию с потребностью в детях (коэффициент корреляции = -0,5 или 0,5 по модулю; $p = 5\%$).

Результаты факторного анализа выявили также различия в оценке респондентами изменений в жизни семьи как последствий рождения в ней первого, второго и последующих детей: большинство респондентов ожидает, что рождение ребенка может ухудшить их материальное положение. Разница между четырьмя группами заключается в оценке степени этого ухудшения. Для респондентов с решающим выбором религиозных и традиционных ценностей ухудшение материального благосостояния не представляется глубоким — в отличие от остальных респондентов. Можно предположить, что религиозность респондента сопровождается формированием потребности в детях, стремления сознательно и совместно воспитывать детей. Приверженность традиционным семейным ценностям также способна ориентировать на многодетную семью. Но либерализация семейной жизни способна, как оказалось, привести к снижению потребности в детях у семейных партнеров. Значит, в случае дальнейшей либерализации общественных и семейных отношений, распространения незарегистрированных браков возможно и широкое распространение семейных союзов с низким уровнем детности. Опасность развития именно таких тенденций в современной России, по нашему мнению, высока. Поэтому желательно «направлять» такую тенденцию в русло скандинавского сценария, в рамках которого «уход» от традиционных семейных ценностей был обращен в направлении совместного сознательного родительства, дуального родительства. Это, как

показывает жизненный опыт, нивелировало негативные последствия снижения уровня потребности семьи в детях, но одновременно увеличило возраст вступающих в семейный союз и возрастной период рождения первого ребенка.

Некоторые результаты проведенного исследования оказались несколько неожиданными. Например, мнение женщин, склонных к рождению и воспитанию нескольких детей и в то же время совершенно нейтрально относящихся к традиционным семейным ценностям (превалирующая роль мужчины в семье, связи с родственниками и др.). Это может быть объяснено довольно сильным ощущением молодыми женщинами собственных карьерных возможностей и самостоятельности [6]. Неожиданным оказалось и то, что среди граждан, не намеренных обзаводиться полной семьей, около половины (48 %) предполагают, что это существенно не повлияет на их эмоциональное состояние (правда, выборка в данном случае составила всего лишь 30 человек), и еще 20 % усомнились в том, что отсутствие детей в семье негативно скажется на их общем самочувствии. Однако в целом ярославское исследование репродуктивных намерений различных групп российской молодежи показало, что большинство респондентов позитивно оценивают предстоящие изменения своего эмоционального состояния после рождения ребенка.

Что касается материального фактора, то, начиная исследование, мы предполагали, что фактор материальной обеспеченности семьи является значительным при принятии решения о рождении ребенка (детей). При проверке этой гипотезы оказалось, что она подтверждается лишь частично. В представлениях респондентов семья обязательно должна быть полной и практически все дети должны быть рождены в ближайшие годы (такие ответы дают до половины респондентов, не имеющих детей, до трети — уже имеющих детей). Это намерение принадлежит в основном молодым людям от 23 до 27 лет. По нашему мнению, государству следует учитывать существующее сегодня намерение молодых российских граждан реализовать воспроизводственный потенциал в первые годы супружеской жизни. Такой «репродуктивный энтузиазм» во многом связан с карьерными соображениями и особенностями российского трудового законодательства. Например, в условиях современного развития рынка труда в России едва ли возможно ожидать совмещения материнства и занятости, поэтому женщины стремятся ускоренно реализовать свои репродуктивные планы (которые часто ограничиваются одним-двумя детьми).

Исследование показало, что «экономическая ценность» детей не играет такой уж большой роли. Молодым людям ясно, что появление ребенка в семье не сулит серьезных экономических выгод родителям, предоставляемые государством льготы и меры социальной помощи несопоставимы с затратами семьи на содержание детей и ответственностью перед обществом. Поэтому желание воспользоваться реализуемыми в настоящее время услугами государства по оказанию помощи родителям малолетних детей не является опережающим. Скорее всего, молодые люди будут стремиться реализовать воспроизводственный потенциал своей семьи, если у них будет достаточно зрелое представление о полной семье.

В ярославской выборке менее половины респондентов отозвались о материальной поддержке родственниками процессов воспитания детей в их семье как о весомой: 45 % респондентов подчеркнули, что помощь родственников и

родителей — значимый источник доходов семей молодых ярославцев; 40 % довольно «вяло» высказались о необходимости роста заработной платы, не надеясь, очевидно, на последовательное официальное решение этого вопроса; 15 % респондентов отметили значимость своих собственных заработков. Хотя необходимо заметить, что подавляющее большинство молодых людей считают свое материальное положение вполне приемлемым для того, чтобы содержать семью: около 75 % опрошенных показали, что им хватает денег для собственных и семейных нужд. Около 15 % респондентов ответили, что постоянно или периодически находятся за чертой бедности.

Нами делались многочисленные попытки выйти на рекомендации, направленные на совершенствование современной российской пронаталистской социально-демографической политики. Необходимо расширить систему мер социально-демографической политики, основанной на целом комплексе не только экзогенных, но и эндогенных факторов принятия гражданами репродуктивных решений. Это связано с тем, что и экзогенные, и эндогенные факторы вместе выступают как движущие силы или причины, которые лежат в основе реализации воспроизводственного потенциала. Сама семья, ее социальные функции развиваются также под влиянием различных социальных, экономических, социокультурных, политических факторов. Как показало исследование, именно социокультурные факторы способствуют не только реализации воспроизводственного потенциала семьи (выравнивание идеального и реального количества детей в ответах респондентов), но и увеличению самого потенциала (увеличение количества желаемых детей). В данном случае социокультурные факторы — это единство социальных и культурных факторов реализации воспроизводственного потенциала семьи, приверженность респондентов определенным ценностям, наличие в семье необходимых традиций, уровень религиозности ее членов, уровень конфликтности в семейных отношениях, степень поддержки репродуктивных намерений со стороны ближайших родственников и «значимых других».

Библиографический список

1. *Алисов Н. В., Хореев Б. С.* Экономическая и социальная география мира : (общий обзор). М. : Гардарики, 2003. 704 с.
2. *Антонов А. И., Медков В. М., Архангельский В. Н.* Демографические процессы в России XXI века / под ред. А. И. Антонова. М. : Грааль, 2002. 168 с.
3. *Переведенцев В. И.* Демография: десять провальных лет // Новое время. 2004. № 49. С. 12—14.
4. *Смирнов Я. О.* Проблемы государственной политики в отношении людей старшего поколения // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 11. С. 310—313.
5. *Смирнов Я. О., Досина Н. В.* Демографическая политика в гендерном контексте // Вестн. Яросл. гос. ун-та им. П. Г. Демидова. Сер. : Гуманитарные науки. 2009. № 1. С. 69—76.
6. *Смирнов Я. О., Досина Н. В.* Семейная власть как источник насилия : (проблема контроля и преодоления в социальной политике) // Власть. 2009. № 12. С. 116—118.

ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

ББК 60.542.21

Н. Н. Козлова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ 8 МАРТА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Политические/государственные праздники, как известно, являются частью культуры общества, выражением ценностей, способом фиксации значимых в конкретном социуме событий. Празднованию 8 Марта как Международного женского дня (МЖД) уделялось так много внимания в отечественной официальной государственной риторике, что специальных исследований на эту тему не проводилось в силу очевидности соотнесения его с определенным референтом — женщинами. Исследователи гендерного направления, изучая трансформацию мужских и женских ролей, проявляли свою научную заинтересованность относительно данного праздника, рассматривая нормативно-правовые акты советской власти, посвященные равенству полов [13]. На фоне конституций, декретов, постановлений институционализация праздника 8 Марта выглядит второстепенным и незначительным актом. Однако, на мой взгляд, рождение этого события может пролить свет не только на женскую, но и на отечественную историю в ее социальном, демографическом, экономическом преломлении — на советскую гендерную политику и на механизмы выстраивания отношений государства с определенной социальной группой — женщинами.

Согласно мнению специалистов по женским и гендерным исследованиям, история праздника связана с движением женщин за свои права в Западной Европе и США, начало которому было положено во второй половине XIX — начале XX в. На Второй Международной социалистической женской конференции, проходившей 27 августа 1910 г. в Копенгагене в рамках Восьмого конгресса Второго Интернационала, Клара Цеткин предложила учредить «день борьбы за права женщин» и «праздновать 8 марта как международный женский день социалистического движения — женский вариант праздника Первого мая» [9, с. 348].

Первый МЖД отмечался в России — в 1913 г., в первое воскресенье февраля [5, с. 112—116]. К февралю 1917 г. тяготы Первой мировой войны спро-

воцировали протест петроградских женщин, который, как известно, перерос во всеобщее восстание и низвержение монархии [4, с. 152]. Подробное описание данного политического процесса содержится в книге Р. Стайтса «Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860—1930» [9].

Дальнейшая судьба Дня 8 Марта зависела от развертывания политического процесса в России. После Октябрьской революции 1917 г. положение женщин претерпело кардинальные изменения. В Конституцию 1918 г. была включена статья о полном равноправии женщин и мужчин. Решив женский вопрос юридически, необходимо было фактически приобщить женщин к социалистическому строительству. Женские массы советской России отставали от мужского населения по всем социальным показателям. Женотделы проводили большую работу среди женщин — съезды, конференции и др. Ставшая государственной коммунистическая идеология была проникнута эмансипаторским духом, рабство женщин признавалось главной твердыней буржуазного строя, а желание освободить женщину от гнета домашнего рабства, осветить ее сознание коммунистическими идеями означало для большевиков окончательное закрепление победы «над старым миром». «Каждая работница должна стать солдатом революции. Основной задачей работницы является самое деятельное участие во всех формах и видах революционной борьбы, как на фронте, так и в тылу, как путем агитации и пропаганды, так и путем непосредственной вооруженной борьбы» — такова была идеологическая установка партии [11, ф. 1, оп. 1, д. 7, л. 1—2].

В самые первые годы советской власти — время Гражданской войны и иностранной интервенции — День 8 Марта не отмечался. В 1921 г. на 2-й Коммунистической женской конференции было решено праздновать МЖД 8 Марта в память о женской забастовке в Петрограде в 1917 г., послужившей началом Февральской революции.

Постепенно проведение праздника становилось неотъемлемой частью советско-партийной работы среди женщин по вовлечению их прежде всего в процесс индустриализации и модернизации советской промышленности. Первоначальный смысл праздника, выражающий женскую солидарность, отходил на второй план. В «Малой советской энциклопедии», изданной в 1930 г., указывалось, что Международный коммунистический женский день (МКЖД) 8 марта — это праздник «нового быта», созданный для политического воспитания работниц и вовлечения их в движение пролетариата, мобилизации сил для международной революции [8, с. 87—89]. Е. Р. Ярская-Смирнова и Г. Г. Карпова подчеркивают, что празднование 8 Марта было призвано усилить именно общественную сторону жизни советской женщины [14, с. 147].

Активной политической кампанией сопровождался МЖД 8 Марта с 1927 г. С этого времени на региональном уровне при президиуме губисполкомов ежегодно создавалась специальная комиссия по проведению женского праздника, которая намечала основные мероприятия на целую неделю, а также ставила практические задачи женщинам-общественницам на год (см., напр.: [3, ф. Р-291, оп. 11, д. 115, л. 9—17]).

В Тверской губернии кампания начиналась с воззваний к трудящимся женщинам, которые публиковались в местной прессе: «День 8 марта является

днем смотра сил миллионов работниц и крестьянок» [там же, д. 76, л. 9]. Соответственно 8 марта власти давали установку на рекордные результаты в работе в этот день. После рабочей смены следовали официальная часть праздника, концерт художественной самодеятельности, женщинам предоставлялась возможность бесплатно посетить кинематограф [там же, д. 115, л. 9, 48].

При этом закономерно и важно, что инициатива придать празднику широкий политический размах, как, впрочем, и многие другие инициативы в решении женского вопроса, исходила не от женщин, а от партийных органов. Более того, в соответствии с Постановлением ЦК ВКП (б) от 5 января 1930 г. «О реорганизации аппарата ЦК ВКП (б)» женотделы как органы по работе среди женщин были ликвидированы. В результате вместо женских организаций работницы и крестьянки получили праздник — МКЖД 8 Марта.

На мой взгляд, с конца 1920-х гг. в СССР МКЖД 8 Марта становится ядром формирования гендерной культуры нового типа, стержнем новой гендерной политики советского государства. Наиболее емко суть новой тоталитарной гендерной системы выразили А. Темкина и Е. Здравомыслова, обозначив ее как этакратический гендерный контракт [12]. «Женщина-работница-домохозяйка-мать» — таков был новый набор социальных ролей, предназначенный государством для женщин.

Формирующаяся жестко централизованная модель власти имела логику, противоречащую артикуляции, агрегации и представительству интересов социальных групп. Именно государство-партия определяло цели и ставило задачи перед гражданами. В ежегодных празднованиях 8 Марта власть создавала нового референта для женских масс — государство, которое добровольно-принудительно предлагало женщинам осваивать новые социальные горизонты. Агитация и пропаганда, направленные на вовлечение женщин в процесс государственного и экономического строительства и приуроченные к 8 Марта, не являлись единственной целью власти. Наиболее важной для создания и поддержания имиджа «заботливого» государства была презентация результатов политики, направленной на равноправие полов. Ежегодно 8 Марта государство-партия «отчитывалось» за успехи в деле улучшения положения женщин в СССР. Агитки, периодика, посвященные празднику, изобиловали статистикой об электоральной активности женщин, их реальном вкладе в экономику страны, выражавшемся в выплавке миллионов тонн чугуна или сборе миллионов тонн зерна, о повышении уровня их образования и т. д. Освоение женщинами новых профессий — трактористки, летчицы — демонстрировало открытие государством новых возможностей, новых степеней свободы.

Советская женщина стала новым типом человека, который доказывал: «Нет крепостей, которые бы мы не брали». Из маргинального периферийного социального субъекта советская женщина превратилась в активного строителя коммунизма. Мужская биография до и после революции не давала столь разительного кардинального революционного контраста: класс мужчин занимал все те же публичные ниши, тогда как женский удел демонстрировал мощный разрыв с традицией. Советская женщина освоила все сферы деятельности, которые ранее занимали мужчины: экономику, науку, спорт, а впоследствии и кос-

мос. Можно утверждать, что именно советская женщина, а не мужчина представляла новый — советский — тип человека.

Советская женщина 8 Марта преподносилась пропагандой как предмет гордости советского строя и доказательство его прогрессивности. В связи с празднованием 8 Марта на новую высоту были подняты мифологизация и героизация женщин, служащих интересам советского государства. В качестве образцов для подражания отбирались конкретные женские персонажи, выстраивались и тиражировались их биографии. Из газет, выходящих 8 Марта, можно было узнать «героинь нашего времени». В 1930-е гг. была сконструирована модель истории женского движения, в которой не было места активным, независимым женским организациям. Революционерки, участницы Гражданской войны уступали в ней место женщинам — передовикам производства. Перефразируя М. Фуко, можно сказать, что тирания глобального дискурса — дискурса марксизма-ленинизма — дисквалифицировала и погребла все дискурсы борьбы. Отсутствие независимых женских интересов, жесткая привязка женщин как социальной группы к государству делает МКЖД 8 Марта памятником не столько истории женского движения, сколько советскому государству.

Типичную схему празднования 8 Марта содержит газета «Правда» за 1935 г. Ее передовица открывается словами Постановления ЦК ВКП (б) «О международном коммунистическом женском дне 8 марта»: «...победа социализма в СССР <...> раскрепостила трудящуюся женщину, сделала ее фактически равноправной мужчине и открыла всем трудящимся женщинам широкую дорогу культурного и политического развития». Новые общественные рубежи, обозначенные властью, состояли в «вовлечении работниц и колхозниц в оборонную санитарно-просветительную работу и физкультурное движение». На второй странице мы находим две статьи, посвященные достижениям женщин-работниц и рекордсменкам. Здесь же опубликовано и произведение пролетарского поэта Д. Бедного «Привет растущей силе», создавшего «художественную» квинтэссенцию образа новой советской женщины:

Про «бабу» злые прибаутки
У нас уж больше не в ходу.
Про «бабу» старые погудки
С культурной новой не в ладу.
Цена такому балагурью —
Антисоветская цена.
Мы распростились с этой дурью
Бесповоротно и сполна.
Поставив крест на мире старом,
Верша великие труды,
Колхозной женщиной недаром
Мы так восторженно горды.
Ее житейская дорога
Уж не «от печки до порога»,
Пред нею новый, светлый путь
Туда, где легче дышит грудь,
Где неоглядные просторы,
Где жизни радостной узоры

И краски творческой весны
Уже отчетливо ясны.
Колхозный съезд второй недавно
Нам показал ее так явно:
Вот она,
Возбуждена, увлечена
Докладом, яркими речами,
Чувств неиспытанных полна,
завороженными очами,
Не отрывая их, глядит
Туда, где СТАЛИН сам сидит.
И вот она уж на трибуне,
И ей — да, ей! Петровой Дуне! —
Все рукоплещут. Сталин тож.
Он рукоплещет всех сильнее.
Он — стало ей теперь виднее —
Как на портреты не похож:
Вблизи он проще и роднее.
Все надо в памяти сберечь,
Чтоб вспомнить над колхозной пашней,
Как Сталин жадно слушал речь
Ее, телятницы вчерашней.
Она — еще не грамотей —
Телят любила, как детей,
Потом — ударничала в поле.
Не только в поле, но и в школе,
Чтоб, поработавши «как черт»,
Стать полеводом первый сорт.
Сдала здоровьем даже малость,
Но всю болезнь, верней, усталость,
Сняла награда: Крым, курорт.
Теперь придут весна и лето,
И вновь здорова и сильна...
Конечно, Сталин знает это!
Он знает, знает, кто она!
Но также знает он заочно —
С ним вместе знает вся страна! —
И уважает имена
И подвиги таких же точно
Колхозниц славных, как она.
Они лавиной мощной, бурной,
К той жизни ринулись культурной,
Которой в мире краше нет.
Родной, колхозно-деревенской,
Растущей новой силе женской
Наш братский, пламенный привет!

Как мы видим, начиная повествование о замечательной советской женщине-колхознице Петровой Дуне, которой посчастливилось стать делегаткой второго крестьянского съезда, в середине стихотворения поэт переходит к лич-

ности Сталина, чье имя выделено в газете крупными буквами. Рукоплескания «отца народов» на речь Петровой Дуни являются главным мерилем ее заслуг — ударного труда и учебы.

Третья и четвертая страницы соответственно посвящены темам «Женщина в царской России» и «Под гнетом капитала и фашизма». «Женские» материалы — иллюстрация величия советского строя и культа личности Сталина. Новые возможности, которые дала советская власть женщинам, не являются их собственной заслугой, новые права выступают как дарованные властью привилегии. Принятие дара требует эквивалентного ответа — оправдать надежды власти самоотверженным трудом и защитой Отечества.

Все газетные статьи акцентируют внимание на патерналистском дискурсе заботы государства о женщинах; привлечение внимания к ним, казалось, должно работать на пользу женщин. Но в результате проведения советской гендерной политики женщина из субъекта превращалась в объект. Как пишет С. Айвазова, идеология государственного протекционизма по отношению к женщине означает ее «социальную инвалидизацию» и ведет к воспроизводству патриархатной системы гендерных отношений [1, с. 82—93]. Благодаря интенсивной государственной политике в период 1920—1930-х гг. из аморфной женской массы получился адресный сегмент подконтрольного псевдогражданского общества в тоталитарной советской системе.

Идеологически определялось в общественной системе не только место, но и время женщин: им «выдали» специальный день — 8 Марта, день для трансляции и получения «ценных указаний» от власти. Если проводить аналогию советской системы с учреждением, то можно сказать, что 8 Марта напоминало прием по личным вопросам. В другие дни «женские вопросы», проблемы, интересы не артикулировались властью. Поэтому постановления ЦК ВКП(б) к МКЖД 8 Марта ежегодно выдвигали какую-либо проблему перед женщинами. Так, в постановлении ЦК ВКП(б) «О МКЖД 8 Марта» 1939 г. отмечалось, что «ЦК ВКП(б) указывает на необходимость усилить заботу о женщине-матери, помня, что воспитание детей, нашего будущего поколения, является одной из важнейших задач женщины».

Борьба с фашизмом, поддержка освободительной борьбы в странах третьего мира, движение за мир стали с начала 1940-х гг. основной темой в МКЖД 8 Марта. В постановлении ЦК партии «О МКЖД 8 Марта» 1942 г. говорилось: «...священным долгом каждой советской патриотки является самоотверженный труд на помощь фронту».

В 1960-х гг., после реконструкции разрушенного во время Великой Отечественной войны народного хозяйства, новые общественные горизонты для женщин были исчерпаны. За исключением сферы принятия решений все социальные показатели были выполнены, а по ряду отраслей даже перевыполнены. Можно утверждать, что в женский вопрос в том виде, как его задумывали большевики, был решен. Армия тружениц и рожениц была сформирована. К середине 1960-х гг. проявляются уже и первые результаты планомерного построения этакратической гендерной системы: гендерная сегрегация в национальной экономике, «двойная нагрузка» в условиях неразвитости социальной сферы, снижение рождаемости и др.

Попытка по-новому взглянуть на задачи женщин в деле реализации государственных интересов вылилась в институционализацию 8 Марта как нового нерабочего праздничного дня.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г., т. е. в канун 20-летия Победы в Великой Отечественной войне, МЖД 8 Марта объявлен в СССР нерабочим днем «в ознаменование выдающихся заслуг советских женщин в коммунистическом строительстве, в защите Родины в годы Великой Отечественной войны, их героизма и самоотверженности на фронте и в тылу, а также отмечая большой вклад женщин в укрепление дружбы между народами и борьбу за мир» [2]. Аргументация, приведенная в обоснование решения, не связывает женские интересы с данным праздником, не содержит намеков на революционный настрой женщин в 1917 г. День 8 Марта был вписан в цикл праздников, посвященных Дню Победы.

Одной из задач, поставленных перед женщинами в этот период — период «холодной войны» и американской агрессии во Вьетнаме, являлась борьба за мир. Впервые за годы советской власти было актуализировано международное звучание праздника 8 Марта. Женский день был единственным международным праздником в системе национальных торжеств, «боевым праздником солидарности женщин всего мира в борьбе за демократию и социализм, свободу и равноправие, национальную независимость, за мир во всем мире». Провозглашая задачи женщин и женсоветов, созданных в это время, в деле борьбы за мир во всем мире, советское государство использовало «опыт решения КПСС женского вопроса» в своей имперской экспансии и распространяло его на свои геополитические зоны влияния.

Расширение социалистического лагеря за счет ГДР, Польши, Чехословакии и других стран нашло свое отражение в статьях газеты «Правда», выходящих 8 Марта. Например, в 1966 г. газета опубликовала материалы о том, как празднуется этот день у братских народов, письма и обращения женщин Йемена, Монголии, которые выражали благодарность за то, что «тяжелую ношу гнета и бесправия снял с женских плеч социалистический строй», открывший перед ними все дороги.

В СМИ советские женщины горячо поддерживали внутреннюю и внешнюю политику партии и правительства; в свою очередь, КПСС и советское правительство считали «своим долгом и впредь неустанно заботиться» об улучшении условий труда, построить в новой пятилетке столько-то детских садов и т. п. В результате газетные передовицы 8 Марта приобретают характер «заезженной пластинки».

В 1970—1980-х гг. появились новые акценты в праздновании 8 Марта. Демонстрация готовности женщин к очередному съезду уже сопровождалась либерализацией и приватизацией дискурса, деполитизацией праздника. Передовицы газет, агитки, обращения, открытки украшались изображениями цветов, а женщинам желали частных ценностей — крепкого здоровья, большого счастья и т. д. Девальвация политического содержания праздника укрепила его популярность в советском обществе. Можно согласиться с М. М. Жванецким, что 8 Марта стал днем «мужской расплаты». В этот день мужчины как частные лица и мужчины как правящий класс «извинялись» за те формы гендерной

дискриминации, которые породило советское государство. И. Тартаковская называет этот процесс модификацией патриархатной идеологии [10].

Утрата первоначального смысла праздника сделала его своего рода культурным парадоксом: он приобрел биологическую основу и стал противоречить одному из базовых принципов социализма — равноправию полов. Вследствие несправедливости такой ситуации с середины 1970-х гг. в СССР стал неформально отмечаться и «мужской день». День рождения Советской армии — 23 февраля, профессиональный праздник военных, как нельзя лучше подходил для воспроизводства традиционных гендерных стереотипов. Актуализация этого торжества была призвана не только уравновесить «женский день», но и способствовать преодолению дефицита мужественности.

Учреждение 8 Марта как государственного праздника в СССР совпало на Западе со второй волной феминизма. Во время проведения Международного года женщин в 1975 г. МЖД был официально признан ООН и принят многими правительствами, которые прежде не знали о его существовании [7]. Посвященные «Дню борьбы за права женщин и международный мир» мероприятия приурочивались ООН к 8 Марта. Поэтому многие женщины продолжают видеть в МЖД важный повод для действий по поводу политических, экономических и социальных прав женщин.

В России с 2002 г. МЖД празднуется 8 марта — наряду с другими «нерабочими праздничными днями» — согласно ст. 112 Трудового кодекса РФ. Официально узаконен и «мужской» праздник — 23 февраля, День защитника Отечества, хотя конституционную обязанность защищать Отечество несут все российские граждане независимо от пола. Таким образом, создается юридическое основание для воспроизводства и тиражирования гендерных ролей традиционного типа. Женские роли в связке с 8 Марта вызывают биологические ассоциации, а мужские роли определяются социальной функцией — защитой Отечества.

Периодические опросы социологических фондов показывают, что праздник 8 Марта пользуется большой популярностью у населения [6, с. 134]. На мой взгляд, это объясняется тем, что в структурах российской повседневности статус женщины по-прежнему вторичен. Перефразируя Маркса, 8 Марта является и выражением гендерного убожества, и протестом против этого убожества. Поэтому, играя в российской культуре роль опиума для женщин, праздник 8 Марта практически не имеет шансов вновь обрести социальную направленность, превратиться в день борьбы за права женщин. В то же время настойчиво проявляется тенденция «гламуризации» МЖД. Интернет-сайты изобилуют предложениями подарков самого широкого спектра, тем самым сближая 8 Марта с Днем святого Валентина, отмечаемым 14 февраля как праздник влюбленных.

Таким образом, история праздника 8 Марта прошла следующие этапы: от борьбы женщин за свои права, через подмену женских интересов государственными, до почитания в России женщин, перед «которыми общество в неоплатном долгу». Думается, только деполитизация 8 Марта позволила этому дню сохраниться в качестве государственного праздника. И если праздник — это всегда повод для радости, а в родном Отечестве не будет других поводов для радости, кроме торжества своего пола, российский гендерный порядок будет стабильно архаичен.

Библиографический список

1. Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М. : РИК Русанова, 1998. 405 с.
2. Ведомости Верховного Совета СССР. 1965. № 19 (1262).
3. Государственный архив Тверской области.
4. Женщина // Малая сов. энцикл. / гл. ред. Н. Л. Мещеряков. М. : Сов. энцикл., 1930. Т. 3. 927 с.
5. Женщины в революции. М. : Госполитиздат, 1959. 472 с.
6. Ломакина Е. Один пол — не воин. Зачем понадобились гендерные праздники и почему они так прижились // РБК. 2010. № 3. С. 134—137.
7. Международный женский день. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 21.01.2008).
8. Международный коммунистический женский день // Малая сов. энцикл. М. : Сов. энцикл., 1930. Т. 5. 958 с.
9. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России : феминизм, нигилизм и большевизм, 1860—1930. М. : РОССПЭН, 2004. 615 с.
10. Тартаковская И. Мужчины и женщины в легитимном дискурсе // Гендерные исследования. 2000. № 4. С. 245—265.
11. Тверской центр документации новейшей истории.
12. Темкина А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социс. 2002. № 11. С. 4—15.
13. Хасбулатова О. А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реальность. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2005. 372 с.
14. Ярская-Смирнова Е. Р., Карпова Г. Г. Международный женский день // Слов. гендерных терминов / ред. А. А. Денисова. М. : Информация — XXI век, 2002. С. 147—149.

ББК 60.542.21

В. М. Марасанова, И. Ф. Албегова, Г. Л. Шаматонова

**ЖЕНЩИНЫ И ОБРАЗОВАНИЕ В КОНЦЕ XVIII —
НАЧАЛЕ XX в. (На примере Ярославской губернии)**

История дореволюционного образования в Ярославском крае в последние десятилетия постоянно привлекала исследователей [3, 4, 7, 10, 12, 17, 18, 19, 20, 28, 32, 33, 34, 36]. Источниковую базу изучения вопроса составляют дореволюционные делопроизводственные материалы, статистические справочники, периодическая печать, мемуары и др. Данные источников и исследовательской литературы позволяют провести комплексный анализ дореволюционного женского образования в Ярославской губернии. Они дают возможность проследить основные вехи его истории: от появления первых начальных школ для девочек в конце XVIII в. до 1917 г., когда началось создание советской системы образования, основанной на классовых принципах.

© Марасанова В. М., Албегова И. Ф., Шаматонова Г. Л., 2011

Первые свидетельства о женских школах относятся ко времени существования Древнерусского государства: сестра князя Владимира Мономаха Янка (Анна) основала женский монастырь в Киеве и школу при нем. В Ярославле история образования вообще началась с духовного училища при мужском Спасском монастыре, созданного в начале XIII в. и ставшего первым учебным заведением на Северо-Восточных землях Руси. Известно, что вскоре после создания — в 1214 г. — это училище перевели в Ростов, где оно, к сожалению, через несколько лет сгорело вместе с богатой библиотекой.

Первые данные об обучении девочек в Ярославле встречаются только в последней четверти XVIII столетия. Это вполне соответствовало общероссийской ситуации, поскольку Смольный институт благородных девиц в Санкт-Петербурге начал работу (1764 г.) только в период правления Екатерины II и лишь в 1843 г. появилось следующее женское учебное заведение — училище для девиц духовного звания в Царском Селе [14].

Тем не менее даже до появления специальных женских учебных заведений некоторые девочки уже могли получить начальное образование. В 1747 г. в Ярославле по дозволению Святейшего Синода открылась Славяно-латинская семинария при мужском Спасском монастыре. Однако местные гражданские власти — воеводы и провинциальные канцелярии — практически ничего не делали для развития просвещения. Ситуация в этом отношении коренным образом переменялась после губернской реформы Екатерины II 1775 г. Особенно много сделали для развития просвещения в российских регионах наместники (генерал-губернаторы), и Ярославский край не стал в этом отношении исключением.

В 1778 г. в Ярославле появилось новое светское учебное заведение — школа для дворянских детей, куда девочек не принимали, а вот 21 апреля 1786 г. при активной поддержке первого наместника А. П. Мельгунова (1722—1788) открылся Ярославский дом призрения ближнего (через 100 лет ему присвоили название «Екатерининский»). В нем жили и обучались и мальчики, и девочки. По уставу это заведение предназначалось «для приличного воспитания и учения сирот и для призрения не имеющих пропитания увечных и престарелых, обоюбого пола и всякого звания, исключая крепостных людей». Попечительницей дома призрения стала дочь Мельгунова — Екатерина. Вслед за А. П. Мельгуновым все ярославские наместники и губернаторы обязательно уделяли ему внимание. Здесь часто устраивались концерты и спектакли для «благородных особ», жертвовавших значительные суммы на нужды заведения.

Здание дома призрения возводилось по проекту губернского архитектора Э. Левенгагена. Непосредственно за ходом строительства следил коллежский асессор К. А. Говорков (1733—1803). Он постоянно сообщал генерал-губернатору А. П. Мельгунову о проделанной работе. Так, 11 июля 1785 г. К. А. Говорков докладывал, что стены здания уже достроены. Строительство осуществлялось по принципам классицизма, который с 1770-х гг. стал, по сути дела, официальным государственным стилем. Специально для дома призрения ярославцы собрали 30 800 руб. ассигнациями, особенно крупную сумму внес купец И. Я. Кучумов. После его смерти в 1784 г. его вдова, исполняя волю мужа, передала в «вечный капитал» строящегося заведения пятую часть всего имущества — 20 322 руб.

В Ярославский дом призрения ближнего первоначально поселили 36 сирот, для которых летом того же года открылась школа, состоявшая из 2 классов. В первом классе учились 8 мальчиков и 19 девочек, во втором — 10 и 2 соответственно. Сначала дети в течение двух лет учились читать и писать, а затем еще два года изучали арифметику, геометрию, грамматику и катехизис. Вскоре к ним присоединились «своекоштные» ученики, т. е. проживавшие не в приюте, а в родительских домах.

Согласно отчетам совета управителей, к концу 1786 г. в доме призрения жили уже 80 ярославских сирот (56 мальчиков и 24 девочки). Однако в последующие годы численность учениц в школе уменьшилась и в 1800 г. составила только 19 человек. В 1788 г. в уездных училищах Ярославского наместничества числилось 456 учеников, среди которых было всего 8 девочек (1,8 %) [8, с. 143—158; 9, с. 113; 13, с. 31—32; 37, с. 191—192]. Это первые упоминания о том, что образование в Ярославле перестало быть исключительной привилегией мальчиков и юношей.

В начале XIX столетия в Ярославской губернии появилось первое высшее учебное заведение — «Ярославское высшее наук училище», позднее преобразованное в лицей. Оно было создано на средства правнука известного горнозаводчика П. Г. Демидова. 29 апреля 1803 г. он направил императору Александру I письмо с предложением открыть в Ярославле университет для дворянства. Для его содержания П. Г. Демидов предложил переводить все оброки со своих вотчин в Угличском и Романовском уездах, где ему принадлежало свыше 3,5 тыс. крепостных. 6 июня 1803 г. появился указ об учреждении «Ярославского высших наук училища», занятия начались в 1804 г., а в апреле 1805 г. состоялось официальное торжественное открытие училища. Первоначально в нем числились 13 преподавателей и 35 студентов, а в начале 1820-х гг. здесь уже обучались более ста юношей из 24 губерний Российской империи.

Согласно уставу «Ярославского высших наук училища» 1805 г., обучение шло по таким предметам, как словесность, философия, право, математика, естественная история, химия, технология, политическая история и «экономика с финансами». Демидовский лицей являлся главным учебным заведением не только для Ярославской, но и для соседних губерний, где не было своих высших учебных заведений. Он был и учебным, и научно-культурным центром региона, но женщин в него не принимали. Далее будут отмечены преподаватели этого учебного заведения и их супруги, создавшие в городе несколько частных пансионатов для девушек. Стоит также упомянуть, что эта тенденция сохранилась и в дальнейшем. Так, супруга директора лицея Н. П. Ширяева в начале XX столетия основала в Ярославле женский клуб и Общество взаимопомощи женщин [26].

Вполне естественно, что больше возможностей для получения образования имели мальчики и юноши. В 1805 г. в Ярославле появилась первая мужская гимназия. В 1828 г. были учреждены специальные училища для детей канцелярских служащих в 11 губерниях, в том числе и в Ярославской. Новыми типами учебных заведений стали городское четырехклассное училище, два народных училища с двухлетним сроком обучения, которыми ведало Министерство народного просвещения.

Поскольку во все вышеперечисленные учебные заведения девочек и девушек не принимали, все первые специальные женские учебные заведения в Ярославле являлись частными: пансион Тюреи (Тюрен) и Донкур, действовавший в 1803 г., и открытый вслед за ним в 1805 г. пансион К. Кюкюэля (Крюкюэля, Кюкюэля). В 1811 г. появился пансион Доротеи Берте (Берье). Известно о недолгом существовании в Ярославле Института благородных девиц, а также Благородного женского пансиона А. Матлен (основан в 1820 г.), которым с 1850 г. руководила О. А. Солнос, а с 1855 г. — Л.-М. Биго. Среди создателей учебных заведений довольно часто встречались французские фамилии. Так, Институт благородных девиц в 1816 г. открыл француз, учитель Ярославской мужской гимназии и пансиона при «Ярославском высших наук училище» Л. Дювенуа (Дю Венау). В 1820-е гг. возник пансион Эдельман, а в 1836 г. — пансион М. К. Буткевич, который в 1844 г. возглавила Е. Комарова. Можно сказать, что М. К. Буткевич продолжила семейную традицию, ведь ее отец — лектор Демидовского училища К. Кюкюэль — уже владел подобным заведением в Ярославле. И наконец, в 1845 г. домашнюю частную женскую школу создала Е. П. Духовская — выпускница пансиона М. К. Буткевич. Нами был установлен факт существования в Ярославле еще одного частного пансиона, о котором ранее в исследовательской литературе не упоминалось. В 1824 г. разрешение на открытие в Ярославле пансиона для благородных девиц получила Екатерина Немани (Нейман) — супруга учителя Демидовского училища Ф. Немани (Нейман) [15, 16, 30].

До 1811 г. обучение в женских пансионах шло на французском языке, и только накануне Отечественной войны 1812 г. в них перешли к обучению воспитанниц на родном русском языке. Срок учебы в пансионах составлял около 6 лет, девушки изучали Закон Божий, арифметику, историю, географию. Особое внимание в женских школах уделялось домоводству, музыке, танцам и рисованию. Стоило обучение весьма дорого.

Всего в результате исследования были выявлены 9 частных женских пансионов Ярославля, существовавших в первой половине XIX в. Их значительное количество свидетельствовало о том, что у девушек из дворянских семей присутствовала явная тяга к получению образования, а также навыков разумной организации и ведения домашнего хозяйства. При отсутствии светских и духовных школ частные владельцы весьма оперативно среагировали на такую потребность и заложили основу специализированного женского образования в городе. Во второй половине XIX столетия в связи с открытием женских гимназий число частных пансионов в Ярославле заметно сократилось, а существующие несколько изменили свой профиль и стали как бы подготовительной ступенью для среднего образования. В частности, в 1877 г. в Ярославле открылся частный пансион Е. А. Рыкачевой, который готовил девочек для 1 и 2-го классов женской гимназии.

Новым типом учебных заведений в регионе в первой половине XIX в. стали церковно-приходские школы, которые курировал Синод. По Уставу 1804 г. в таких школах могли обучаться дети «без разбору пола». Обучение включало Закон Божий, чтение, письмо, арифметику. Иногда появление учебных заведений было связано с экстренными обстоятельствами. Так, в период

Русско-турецкой войны в 1878 г. в Ярославле появилась начальная школа в приюте потомственной почетной гражданки П. А. Соболевой для 11 девочек-сирот из Болгарии [5, с. 156].

Первое женское учебное заведение в Ярославле, которое давало образование выше начального, вполне естественно являлось духовным. В 1846 г. вслед за уже упоминавшимся выше училищем для девиц духовного звания в Царском Селе и по его образцу второе училище открылось в городе Солигаличе Костромской губернии. Оно было учреждено на средства Синода по инициативе великой княгини Ольги Николаевны. Срок обучения составлял 6 лет. Воспитанницы изучали Закон Божий и церковное пение, чтение, письмо, арифметику, рисование, историю, географию. В 1848 г. училище было переведено из Солигалича в Ярославль. Это объяснялось большим удобством местных путей сообщения, наличием необходимых кадров учителей и необходимостью пристального контроля высшего начальства. Сначала здесь обучалось всего 19 учениц. Первый выпуск состоялся в 1852 г. Новый набор составил 30 девушек. С 1874 г. это учебное заведение называлось «Ярославское женское духовное училище». Круг преподаваемых дисциплин расширился за счет включения физики, естественной истории, математики, педагогики, литературы и теории словесности.

Первой начальницей училища девиц духовного звания стала Е. П. Шипова (1796—1883), которая возглавляла его до конца жизни. Преподаватель Г. Преображенский, подготовивший ценный труд к 50-летию училища в 1896 г., писал о ней так: «Мне представлялось всегда, что она входила в класс, как в храм науки, с полным уважением к месту, где совершалось воспитание и образование женской души». Согласно Уставу, целями училища являлись: «приготавливать достойных супруг служителям алтаря Господня»; «матерей, которые были бы попечительны о детях своих» и «которые были бы способны не только воспитывать их в правилах благочестия и добронравия, но и учить их, т. е. приготавливать к поступлению в школу и после уметь наблюдать за полезным употреблением вакантного времени» [27, с. III; 31].

Учебным процессом и жизнью училища руководило правление в составе начальницы, благочинного и смотрителя дома. Средства на содержание поступали из духовно-учебных капиталов и за счет пожертвований частных лиц. В частности, по завещанию купца Макушина в пользу училища перешли 10 тыс. руб. с тем, чтобы проценты с них выдавались воспитанницам «при выходе их в замужество». Почетный блюститель хозяйственной части училища ростовский купец Плешанов в середине XIX в. ежегодно жертвовал по 500 руб. на приданое выпускницам.

Сначала училище располагалось в Ярославле в доме надворного советника Андреева (до 1850 г.), а затем купца Соболева (до 1862 г.). 14 августа 1858 г. во время пребывания в Ярославле его посетили император Александр II, императрица Мария Александровна и великий князь Михаил Александрович. В 1859 г. для училища начали строить специальное здание. На церемонии по этому случаю присутствовали Ярославский и Ростовский архиепископ Нил, губернатор А. П. Бутурлин, другие гражданские и военные чиновники. В закладке первых кирпичей нового здания участвовали Е. П. Шипова, О. П. Бутурлина и «другие дамы высшего общества» [39, 1860, офиц. ч., № 28;

1868, неофиц. ч., № 34]. Переезд учениц состоялся 26 июня 1862 г., а 22 июля прошло освящение нового дома и церкви при нем, на котором вновь присутствовал архиепископ Нил, а также обер-прокурор Синода А. П. Ахматов, губернатор И. С. Унковский и другие лица. Сейчас в бывшем здании духовного женского училища на Волжской набережной располагается Управление Северной железной дороги (Волжская наб., 59).

В училище принимались только дочери священников в возрасте от 10 до 12 лет. Если в середине XIX столетия здесь занимались 85 учениц, то в конце 80-х гг. XIX в. — уже 106. Они были в основном уроженками Ярославской, Костромской и Вологодской губерний. Начиная с 1850 г. в списках учениц можно встретить и представительниц других губерний, к примеру Рязанской, Тверской, Киевской, Курской, Владимирской, Санкт-Петербургской, Смоленской. В начале XX в. численность учениц превышала 200 человек, а плата за обучение составляла 130 руб. в год. Это учебное заведение действовало до 1918 г. и готовило преимущественно учительниц для земских и церковно-приходских школ.

В 1880 г. по инициативе местного архиепископа появилось Ионафановское епархиальное женское училище с 6-летним сроком обучения (имя своего основателя оно носило с 1893 г.). Затем срок обучения увеличился до 8 классов. Его выпускницы в основном становились женами священников или учительницами в церковно-приходских и земских школах. В начале XX столетия в нем обучались свыше 350 учениц. Плата за проживание в его общежитии составляла 120 руб. в год для детей духовенства и 200 руб. — для детей из других сословий [39, 1878, неофиц. ч., № 47; 38, с. 371].

1848 г. был примечателен для Ярославской губернии также открытием первого женского двухклассного училища в Рыбинске. В архивных документах отмечено, что на его содержание выделялись небольшие средства из городских расходов и частные пожертвования. Плата за обучение в 1860-х гг. составляла 16 руб. в год, однако бедные ученицы могли от нее освободиться. В 1864 г. Рыбинское женское училище было преобразовано во второразрядное, а в 1870 г. получило статус женской прогимназии. В 1875 г. в результате очередного преобразования это учебное заведение стало Мариинской гимназией с 7-летним сроком обучения. В 1878 г. в гимназии был открыт восьмой класс — педагогический, окончание которого давало право заниматься преподавательской деятельностью. При Рыбинской Мариинской гимназии существовала также начальная школа для девочек. В 1889 г. эта гимназия получила собственное здание. Ныне это средняя общеобразовательная школа № 3.

По линии Министерства народного просвещения в 1861 г. в Ярославле открылась Мариинская женская гимназия, а в 1876 г. — Екатерининская. Срок обучения в них составлял 8 лет. Деятельность гимназий регламентировалась принятыми законодательными актами [25, 29]. Обучение в восьмом классе давало возможность заниматься после окончания гимназии педагогической деятельностью. В конце 80-х гг. XIX в. в Мариинской гимназии обучались 393 ученицы (накануне Первой мировой войны — 450), а в Екатерининской — 175 (к 1914 г. — 400). Екатерининская гимназия, действовавшая в стенах Ярославского дома призрения ближнего, имела пансион для постоянно проживавших здесь воспитанниц. Стоимость проживания в пансионе в начале XX в. состав-

ляла 250 руб. в год. Мариинская гимназия получила от города в 1870 г. собственный дом на ул. Пробойной (ныне Советская), и ее капитал в начале XX в. достиг 52 тыс. руб. Из тысячи выпускниц этой гимназии около 200 получили золотые медали.

В обеих гимназиях постепенно сокращалась доля дворянок и, наоборот, росла численность воспитанниц из городской и крестьянской среды. Стоимость обучения составляла в начале XX в. от 50 до 70 руб. в год. При этом некоторые ученицы освобождались от платы за обучение или получали стипендию. Так, в 1912 г. в Мариинской гимназии стипендии выплачивались 89 ученицам, а в Екатерининской — 85. Вслед за Ярославлем женские гимназии стали открываться и в других городах губернии. В частности, в 1870 г. открылась женская гимназия в Рыбинске, а в Ростове и Угличе создали женские прогимназии. В этих учебных заведениях насчитывалось 1,5 тыс. учениц. К 1914 г. число женских гимназий в губернии увеличилось с 5 до 12 (мужских — с 2 до 7) [11, 38, с. 369—370].

Начальная школа в середине XIX в. подчинялась различным министерствам и ведомствам. Помимо церковно-приходских школ, которые курировал Синод, существовали частные школы, школы грамоты, народные училища Министерства народного просвещения, училища Министерства государственных имуществ. Срок обучения в начальных учебных заведениях составлял от 3 до 4 лет, девочки среди учащихся встречались крайне редко. К примеру, в 1862 г. в школе при церкви Иоанна Златоуста в Коровниках в Ярославле обучались 1 мальчик и 1 девочка. В с. Благовещенском Ярославского уезда, где проживали 385 мужчин и 480 женщин, в школе учились 16 мальчиков и только 1 девочка; в с. Никольском-на-Бою того же уезда жителей числилось 661 мужчина и 825 женщин, а учились 4 мальчика и 1 девочка. То есть в составе жителей этих населенных пунктов, как и во всей губернии, женщины преобладали, а в среде учащихся — наоборот.

В пореформенный период начальная школа в Ярославле дополнилась городскими и земскими учебными заведениями, куда принимали и мальчиков, и девочек. Кроме того, при земской больнице открылась школа сестер милосердия. Первые земские школы появились в сельской местности Ярославской губернии в 1866 г., а уже в следующем году их насчитывалось 34. Число учеников составило 1804 человека, в том числе 1580 мальчиков (87,6 %) и 224 девочки (12,4 %). В 70-е гг. XIX в. количество земских школ росло особенно быстро. К примеру, в Ярославском уезде в 1878 г. в сельских школах учились 2365 человек: 1650 мальчиков и 715 девочек. 612 человек (528 мальчиков и 84 девочки) обучались у 64 частных лиц [21, с. VI].

К началу XX столетия только в Ярославле имелось 66 разных учебных заведений с 10 тыс. учащихся (на 117 тыс. жителей). В 1903 г. в Ярославской губернии 1 земская школа приходилась на 2—2,5 тыс. жителей, а число учащихся составляло 28 на 1 тыс. человек. Помимо содержания собственно земских школ, местные земства также оказывали финансовую поддержку другим учебным заведениям. В частности, за 1871 г. губернское земство выделило 2,5 тыс. руб. Мариинской женской гимназии в Ярославле, из них 1 тыс. руб. — на стипендии и 1,5 тыс. руб. — собственно на гимназию. Размер такой поддержки постоянно увеличивался и, например, в 1883 г. составил 3,5 тыс. руб. [1, 2, 6, 22, 23].

Успехи, достигнутые в развитии начальной школы в Ярославской губернии во второй половине XIX столетия, действительно впечатляют. Если в начале 70-х гг. XIX в. в начальных школах разных типов занимались лишь 7 % детей губернии, то к концу этого десятилетия — уже 40 %. Проведенное в начале XX в. по инициативе тогдашнего ярославского губернатора Б. В. Штюрмера обследование состояния начального образования в Ярославской губернии установило, что 97 % детей школьного возраста уже грамотны и жители губернии стараются дать своим детям образование более высокого порядка.

Тем не менее, несмотря на значительные успехи в деле женского образования в Ярославле, на рубеже XIX—XX вв. образование выше начального в Ярославской губернии имели только 1,1 % женщин. Поэтому не приходится удивляться тому, что лишь немногие женщины в рассматриваемый период смогли оставить действительно заметный след в местной и российской истории. В Российской империи женщины могли включиться в социально значимую деятельность главным образом за счет благотворительности и поддержки разного рода культурных начинаний.

Данные Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. позволяют дать весьма полную характеристику населения Ярославской губернии по разным параметрам. Численность жителей губернии составила 1 071 355 человек, в том числе 460 597 мужчин и 610 758 женщин. Подобная разница в численности мужского и женского населения, по мнению дореволюционных статистиков, происходила «из-за особой подвижности местного населения, выбывающего с детских лет для торговой деятельности и торгово-промышленных предприятий» [24, с. 52]. По вероисповеданию 98,5 % женщин в губернии были православными, 1,2 % — староверами, 0,3 % — исповедовали католичество, лютеранство и иудаизм.

Среди прочего данные переписи показали, что в конце XIX столетия грамотными в Ярославской губернии были более 50 % мужчин и только 24 % женщин. Среди женщин наибольшее число грамотных насчитывалось у немок (60 %), у русских грамотными были 23 % женщин. Обращает на себя внимание тот факт, что наибольший процент грамотных женщин был в возрастной группе от 10 до 19 лет — 51,3 %, что практически не уступало уровню грамотности среди мужского населения по Ярославской губернии в целом (см. табл.) [24].

Количество грамотных в Ярославской губернии в зависимости от возраста и пола (по данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г.)

Возраст, лет	Количество грамотных, %	
	Мужчины	Женщины
5—9	20,4	12,2
10—19	84,8	51,3
20—29	77,1	39,0
30—39	70,5	24,8
40—49	62,6	17,4
50—59	55,5	12,7
60 и более	42,9	9,5
<i>Всего</i>	52,2	24,0

При этом Ярославская губерния по уровню грамотности среди призывников (а дореволюционные статистики считали возможным распространять этот показатель на все население без различия пола) занимала четвертое место в Европейской России и первое место среди губерний с земствами и земскими школами. В 1897 г. в двух мужских гимназиях губернии обучались 770 юношей, а в трех женских гимназиях (две из которых находились в Ярославле) — 1048 девушек, что в 1,5 раза больше. Это говорит о том, что девушки более быстрыми темпами, чем юноши, восполняли недостаток среднего светского образования.

В начале XX столетия новыми учебными заведениями в г. Ярославле стали частные школы П. Д. Антиповой, С. Г. Вахромеевой и О. Н. Корсунской, а также ремесленные классы Сорокиной. Частные учебные заведения стремились чем-то выделиться и предлагали своеобразную специализацию своим воспитанницам. Например, в школе П. Д. Антиповой особое внимание уделялось рисованию и пению, а в школе О. Н. Корсунской — иностранным языкам.

В дополнение к начальному и среднему женскому образованию в Ярославле появился первый (и до 1918 г. единственный) детский сад «для обучения детей обоего пола» с 5 лет. В 1906 г. его открыла талантливый педагог и организатор О. И. Нечаева [35].

К началу Первой мировой войны в учебных заведениях Ярославской губернии обучались 4,5 тыс. лиц мужского пола и 5,3 тыс. — женского (54 %), т. е. именно девочки и девушки стали преобладать в числе учащихся. Примечателен и тот факт, что в начале XX столетия 64 % преподавателей в земских школах составляли учительницы. Поэтому вполне правомерен вывод о том, что женское образование в Ярославле, возникнув значительно позднее мужского, отличалось более быстрыми темпами роста. Это заметно как по числу средних учебных заведений, так и по количеству обучающихся в разных типах школ девочек и девушек. Изученные материалы показывают, что со второй половины XIX столетия появилось гораздо больше возможностей для получения женщинами образования в различных учебных заведениях, чем они незамедлительно воспользовались.

Библиографический список

1. Временные педагогические курсы для учителей и учительниц начальных народных училищ Ярославской губернии в 1898 г. Ярославль, 1899. 214 с.
2. Временные педагогические курсы для учителей и учительниц начальных народных училищ Ярославской губернии в 1900 г. Ярославль, 1901. 247 с.
3. *Герасимова Н. В.* Среднее духовное образование в Ярославской и Костромской губерниях во второй половине XVIII — начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2001. 192 с.
4. *Герасимова Н. В.* Ярославское училище девиц духовного звания (первый выпуск, 1848—1852) // Страницы минувшего : VI Тихомировские краеведческие чтения / Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 1997. С. 102—104.
5. *Головищikov К. Д.* История города Ярославля // История губернского города Ярославля : сб. Ярославль : Изд-во Александра Рутмана, 2006. С. 15—202.

6. *Дидрикуль А. А.* Итоги земской деятельности в области народного образования по данным выставки «Северного края» 1903 г. : докл. в заседании Постоянной комиссии по техническому образованию 11 ноября 1903 г. Б. м. : б. и., 1903. 19 с.
7. *Дружинин П. Н.* Просвещение в Ярославской губернии в пореформенный период // Очерки по истории Ярославского края / Яросл. гос. пед. ин-т. Ярославль, 1974. С. 94—136.
8. *Ермолин Е. А., Севастьянова А. А.* Воспламененные к Отечеству любовью : (Ярославль 200 лет назад: культура и люди). Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1990. 190 с.
9. История Ярославского края с древнейших времен до конца 20-х гг. XX века / под ред. А. М. Селиванова ; Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 2000. 368 с.
10. *Кудрявцева Т. Ю.* Исторический анализ системы управления учебными заведениями второй половины XIX — начала XX в. : (по материалам губерний Верхнего Поволжья). Ярославль : Ремдер, 2004. 176 с.
11. Лучшая гимназия. Ольга Николаевна Корсунская // Ярославна : история успеха ярославских женщин. М. : Внешторгиздат, 2005. Т. 1. С. 50—51.
12. *Марасанова В. М., Оторочкина А. Е.* Женские учебные заведения в Ярославской губернии в первой половине XIX века : (по данным Государственного архива Ярославской области) // Краевед. зап. : материалы 8 и 9-х Тихомировских чтений. Ярославль : Ремдер, 2005. Вып. 8. С. 459—465.
13. *Марасанова В. М., Федюк Г. П.* Ярославские губернаторы : ист.-биогр. очерки, 1777—1917 / Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 1998. 420 с.
14. Материалы для истории женского образования в России (1086—1856) / сост. Е. Лихачева. СПб., 1899. Ч. 1. 260 с. ; Ч. 2. 301 с. ; Ч. 3. 267 с.
15. Материалы для истории школ в Ярославской губернии / сост. П. Мизинов. Б. м. : б. и., б. г. 65 с.
16. *Мельгунов Б. И.* Мадам Буткевич и ее женский благородный пансион в городе Ярославле // Карабиха : ист.-лит. сб. / сост. Б. В. Мельгунов ; ГЛИММЗ Н. А. Некрасова «Карабиха». Ярославль, 1993. Вып. 2. С. 323—330.
17. *Мельников А. Э.* Частные учебные заведения в Ярославской губернии в 40—50-х гг. XIX в. // Развитие личности и формирование индивидуальности : сб. материалов конф. Ярославль : ЯРГПУ им. К. Д. Ушинского, 1996. С. 283—284.
18. *Оторочкина А. Е.* Женские частные учебные заведения в Ярославской губернии в первой половине XIX в. // Путь в науку : сб. науч. работ аспирантов и студентов исторического факультета / Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 2002. Вып. 7. С. 115—118.
19. *Оторочкина А. Е.* Женское образование в России накануне отмены крепостного права : (на примере губерний Верхнего Поволжья) // Там же. Ярославль, 2004. Вып. 9. С. 70—74.
20. *Оторочкина А. Е.* Народное образование в губерниях Верхней Волги в первой половине XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2005. 25 с.
21. Очерк деятельности Ярославского губернского земства (1865—1891). Народное образование / сост. Л. Н. Трефолев. Ярославль : Тип. Губернской земской управы, 1896. Вып. 1. 166 с.
22. Очерк деятельности Ярославского уездного земства по народному образованию (1865—1902) / сост. К. Е. Ливанов ; под ред. А. А. Дидрикуль. Ярославль : Тип. Губернской земской управы, 1905. 154 с.

23. Очерк деятельности Ярославского уездного земства по народному образованию с 1903 до 1907 года / сост. Б. Н. Надеждин. Ярославль : Тип. Губернской земской управы, 1907. 29 с.
24. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 50 : Ярославская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. 233 с.
25. Положение о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения // Полное собрание законов Российской империи : собр. 2. Т. 45. № 48406.
26. Председатель «Общества взаимопомощи женщин» Наталья Павловна Ширяева // Ярославна. Т. 1. С. 22—23.
27. *Преображенский Г.* Исторический очерк Ярославского женского училища духовного ведомства : ко дню пятидесятилетнего юбилея этого училища (1846—1896 гг.). М. : Тип. В. В. Чичерина, 1896. 252 с.
28. *Салова Ю. Г.* История культуры Ярославского края (XIX—XX вв.) : учеб. пособие / Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 2004. 259 с.
29. Сборник постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного образования за 1870—1905 гг. / сост. Д. Кузьменко. Смоленск : Изд. кн. магазина И. Гинзбурга, 1905. Ч. 1. 288 с. ; Ч. 2. 318 с. ; Ч. 3. 477 с.
30. *Свирицевский А. Р.* Несколько статистических данных о народном образовании в Ярославской губернии. Б. м. : б. и., б. г. 11 с.
31. У истоков просветительства. Елизавета Петровна Шипова // Ярославна. Т. 1. С. 104—105.
32. *Фадеева Т. Ю.* К вопросу о развитии среднего женского образования в Ярославской губернии во второй половине XIX в. // «Для великого блага Отечества...» : Демидовские чтения, посвящ. 260-летию со дня рождения П. Г. Демидова и 195-летию основания Демидовского юридического лица в Ярославле / Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 1998. С. 81—84.
33. *Фадеева Т. Ю.* Развитие средних и начальных учебных заведений Ярославской губернии в пореформенный период // Путь в науку. Ярославль, 1997. Вып. 3. С. 57—60.
34. *Фадеева Т. Ю.* Средние учебные заведения в системе образования России второй половины XIX — начала XX в. : (на материалах Верхнего Поволжья) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2000. 27 с.
35. Хозяйка первого детсада Ольга Ивановна Нечаева // Ярославна. Т. 1. С. 48—49.
36. *Цебровский К. П.* Народное образование в Ярославской губернии в пореформенный период (до политической реакции 80-х годов XIX века) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1955.
37. Ярославль : история города в документах и материалах от первых упоминаний до 1917 года / под ред. А. М. Пономарева. Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1990. 432 с.
38. Ярославль в его прошлом и настоящем // История губернского города Ярославля. С. 297—398.
39. Ярославские епархиальные ведомости.

ББК 63.3(2)6:60.524.258.5

М. И. Мирошниченко

**«ЗЛОСТНЫЕ ЛИЦА» ЖЕНСКОГО ПОЛА:
БОРЬБА С ПРОСТИТУЦИЕЙ В СВЕТЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
РЕВОЛЮЦИОННОГО САМОСОЗНАНИЯ В 1920—1922 гг.
(По материалам Урала)**

Проституция относится к тем нелицеприятным социальным явлениям, наличие которых отрицалось, а изучение было табуировано для советских историков с 1940-х гг., но которые, тем не менее, продолжали существовать на протяжении всего советского периода [14, с. 330]. В настоящее время опасность для общества последствий развития проституции как социального порока усиливается в связи с тем, что данная среда является распространителем синдрома пониженного иммунодефицита. Все это актуализирует изучение избранной темы.

Основное внимание исследователей 1920-х гг. было обращено на состояние проституции в Москве и близлежащих фабричных городах, в Петрограде, Прибалтике, Украине [5, с. 5—9; 8; 10; 16; 21, с. 103; 41, с. 258]. Л. М. Василевский упоминает о тяжелой сцене, которую он наблюдал в голодном Приуралье, — «девушка-полуробеночек со слезами и мольбой предлагает себя буквально за кусок хлеба» [6, с. 69]. А. Я. Гуткин характеризует общие задачи в борьбе с проституцией [15].

Со второй половины 1980-х гг. в связи со снятием табу на изучение социальных пороков в свете проводимой в рамках перестройки политики гласности исследование проституции вновь активизировалось. Появляются специальные исследования о проституции [3, 12, 23, 37], в том числе в различных регионах страны в изучаемый период [22, 26, 36]. В рамках обращения к истории повседневности освещаются отдельные аспекты борьбы с проституцией на Урале [2, 4, 27, 28, 42, 45, 47].

Работа по борьбе с проституцией начиналась со стороны советских административных органов по мере окончательного установления советской власти в регионах [7, 43]. В ноябре 1919 г. при Народном комиссариате социального обеспечения был организован подотдел по борьбе с проституцией. При нем функционировала Междуведомственная комиссия по борьбе с проституцией, в которую входили представители народных комиссариатов здравоохранения, социального обеспечения, просвещения, юстиции, внутренних дел, а также Центрального совета профессиональных союзов, Отдела по работе среди женщин при ЦК РКП(б) и ЦК Коммунистического союза молодежи [25]. В состав этой Междуведомственной комиссии была включена и Н. К. Крупская [42,

с. 90]. Нормативно-правовая база к 1920 г. еще не была создана. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», принятые 12 декабря 1919 г., не содержали норм в отношении проституции [39].

Помимо проституток, работавших в лицензированных публичных домах, в царской России были проститутки-одиночки, которые договаривались с клиентами в театрах, клубах, кафе-шантанах, ресторанах, банях, садах («зеленые» проститутки), танцевальных залах или прямо на улице (в том числе «скамеечные» проститутки) [41, с. 259]. Именно этот вид проституции стал возрождаться в первую очередь. Одиночная проституция особенно сложно поддавалась учету.

В конце 1919 г. в Междуведомственной комиссии по борьбе с проституцией при Народном комиссариате социального обеспечения были выработаны первые «Тезисы по борьбе с проституцией». В них утверждалось, что проституция будет исчезать по мере становления коммунистических основ хозяйства и общежития. Считалось, что женщина-проститутка становится объектом непосредственного воздействия преимущественно лечебно-воспитательного характера лишь потому, что она является элементом, отошедшим от участия в производительном труде. На этом зиждилось и отрицание специфических мер борьбы с проституцией. По отношению к трудящимся женщинам, для которых проституция являлась подсобным промыслом, считалось допустимым лишь применение общих мер социального, экономического и просветительского воздействия, и прежде всего усиленной агитационно-пропагандистской деятельности. Основные конкретные направления работы по борьбе с проституцией предполагали создание для беженок и бывших проституток трудовых колоний, распределителей, профессиональных школ, мастерских и земледельческих коммун. Провозглашался лозунг «Коммунизм — могила проституции» [42, с. 88]. Циркуляр был разослан по местным губернским отделам социального обеспечения (губсобесам). Административная работа в губерниях давала свои результаты, выявлялись пункты распространения проституции, фиксируемые в отчетах как «притоны разврата». Так, в г. Троицке в 1920 г. был обнаружен притон, располагавшийся в саманной избе в Малышевском переулке [34, л. 1 об.].

В 1920 г. Междуведомственной комиссией был разработан и также разослан по губсобесам новый циркуляр «О мерах по борьбе с проституцией», известный как циркуляр № 93 (комиссия к весне 1922 г. прекратила свою деятельность) [13, с. 78]. Этот документ за подписью народного комиссара социального обеспечения А. Н. Винокурова и заведующего подотделом по борьбе с проституцией И. Г. Гельмана до октября 1920 г. через губернские комитеты РКП(б) и губернские исполнительные комитеты Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов был разослан во все губернские и уездные женотделы Екатеринбургской, Пермской, Челябинской и Уфимской губерний. 8 октября 1920 г. с сопроводительным письмом за подписью Никеровой он был разослан еще раз. Его получил вторично Пермский женотдел, женотдел в Троицке и др. Начинался циркуляр № 93 анализом корней проституции, факторов ее распространения в советское время, затем характеризовались формы проституции (профессиональная и подсобная), намечались меры

профилактического характера. Такими мерами в первую очередь являлись совместная с женотделами РКП(б) просветительская работа с целью разъяснить униженное положение женщин, занимающихся проституцией, проводимая совместно с органами Наркомздрава санитарно-просветительская деятельность среди трудящихся по разъяснению роли проституции в распространении венерических заболеваний и их губительных последствий для здоровья. Декларировалось, что, борясь с проституцией, государство вовсе не ставит цель вторгаться в сферу половых отношений, где всякое принудительное регулярное воздействие приведет только к искажению и извращению полового самоопределения свободных и экономически независимых граждан. Понятия «женщины-проститутки» и «проституирующие женщины» употреблялись синонимично, хотя и была предпринята попытка отделить профессиональных проституток от женщин, занимающихся подсобной проституцией. Согласно этому документу проституирующих женщин, «случайно улавливаемых» агентами общей милиции, следовало направлять (наряду с нищенствующими, спекулирующими, беспомощными и т. п.) в центральные распределители, где их должны были подвергнуть общему социальному, психологическому и медицинскому обследованию. Те из них, которые нуждались в лечебно-воспитательном воздействии для вовлечения в трудовую жизнь, препровождались в специальные учреждения общего типа (трудовые колонии и т. п.), а инвалиды — в инвалидные дома. Те женщины, которые являлись злостными дезертирами труда, направлялись в местные комитеты по проведению трудовой повинности (комтруды) для привлечения в трудовую жизнь в порядке общего воздействия. (На основании декрета СНК от 29 января 1920 г. «О порядке всеобщей трудовой повинности» все трудоспособное население, независимо от постоянной работы, привлекалось к выполнению различных трудовых заданий.) Специально оговаривалось, что направление первой категории женщин в трудовые колонии могло носить только добровольный, а не принудительный характер. Характерно, что в число факторов распространения проституции пока еще включалось «укоренившееся веками сознание половой безответственности мужчин» [31, л. 27, 35—35 об.].

Во исполнение циркуляра № 93 на Урале в 1920 г. началась работа по организации губернских комиссий по борьбе с проституцией и просветительская работа [27, с. 488; 32, л. 44]. Положения циркуляра № 93 легли в основу содержания лекций о борьбе с проституцией, которые читались перед женщинами Урала на делегатских и общих собраниях в конце 1920 — начале 1921 г. [32, л. 13—13 об.; 43, с. 94]. Отношение к ним было неоднозначным. Ряд женщин из наиболее образованных слоев (телефонистки, телеграфистки) были шокированы подобной тематикой, воспринимая тезисы лекций как дурной тон. Об этом, в частности, свидетельствует выступление сотрудницы уездно-губернского отделения народной связи Стародубцевой в январе 1921 г., с возмущением заявлявшей, что такие лекции, как о проституции, даже слушать неприлично [32, л. 13—13 об.].

Агитационно-пропагандистская работа стала давать свои порой неожиданные результаты. Несмотря на содержащееся в циркуляре № 93 предостережение о том, что борьба с проституцией не должна подменяться борьбой с про-

ститутками, в практической работе это положение нередко не соблюдалось. При отсутствии законодательных норм, точного определения понятия «проституция» границы между непрофессиональной проституцией и незаконным сожитием размывались. Согласно указам «сверху» в рамках начинавшихся кампаний на местах стали искать проституток. Обо всех обнаруженных случаях занятия проституцией сообщалось начальнику милиции [31, л. 35]. Уже с января 1921 г. в суды в массовом порядке стали поступать дела о «злостных лицах» женского пола. Термин «проституция» на местах зачастую был непонятен. Об этом свидетельствует как его искажение в документах («проиституца», «приституция» [31, л. 31, 37]), так и то обстоятельство, что множество женщин, привлеченных к ответственности как проститутки, в этот период таковыми в сущности не являлись.

Так, в марте 1921 г. в селе Черноярском Воскресенской волости Челябинского уезда на основе донесения Черноярского сельсовета проводилось подробное дознание по поведению гражданки М. М. П. (31 год, сын 12 лет, дочь 11 лет). Было опрошено четверо свидетелей-мужчин, трое из которых, включая председателя сельсовета, никаких доводов, кроме утверждения о том, что «гражданка нашего села М. М. П. занимается проституцией и развращает деревенскую молодежь», привести не могли [31, л. 37]. Характерным является дело, открытое в 1921 г. в селе Таловском Таловской волости Челябинской губернии на основе заявления бывшего секретаря Таловского волисполкома, по обвинению гражданки К. С. в том, что она открыто занимается проституцией. В доказательство констатировалось, что к ней постоянно ездит гражданин С. П., имеющий 5 малолетних детей, который все, совместно приобретенное со своей законной женой А. П., увозит своей содержанке [31, л. 32, 36]. Отрывочный характер информации не дает оснований судить, кто скрывается за таким заявлением: отвергнутый любовник или просто отвергнутый мужчина, ревнивый соперник или родственник А. П., или, возможно, законопослушный рьяный борец за чистоту нравов. Вероятно, последнее, т. к. далее следует: «У гражданки Т. нередко собираются штук 5 женщин легкого поведения и устраивают оргии, продолжающиеся по всем ночам, и едут в лес на пикник. Трудовая повинность на этих проституток не распространяется. В то время, когда рабочий города получает 5 фунтов паек, люди бесятся от жиру впадая в самую капиталистическую приституцию. Прошу собез принять меры» [31, л. 31]. 30 марта 1921 г. была проведена работа по заявлению, поступившему в отделение милиции Шаламовской волости 7-го района Челябинского уезда, от некоего Ч. на свою сноху Е. М. Ч. (29 лет, 4 детей). Ее муж (его сын) «помер в Красной Армии». Е. М. Ч. привела к себе восемнадцатилетнего Н. У., оставив его ночевать. В комнате, кроме свекра, снохи, ее детей и ее гостя, спала еще и родственница снохи. Главной уликой в деле стал кусок от полы полушубка Н. У., который был отрезан в 12 часов ночи во время совершения гостем полового акта со снохой. Е. М. Ч. была препровождена в волисполком с заявлением свекра, протоколом милиции и упомянутым лоскутом, а затем направлена в концентрационный лагерь [31, л. 45, 48—49].

Непонимание сущности проституции из-за необразованности, низкого культурного уровня исполнителей порождало смутность представлений. Игра-

ли свою роль условность грани между проституцией и развратом в обыденном сознании, неопределенность понятия проституции при отсутствии нормативно-правовой базы после отмены регламентации и закрытия домов терпимости. Тонкой была также грань между профессиональной и частой подсобной проституцией. Под кампанию борьбы с проституцией попадали вдовы-красноармейки и красноармейки, которые встречались с мужчинами, заводили себе любовников, в то время как их мужья служили в Красной Армии. Материалы об этих женщинах передавались также и в губернскую комиссию по борьбе с проституцией «на разбирательство» [31, л. 34, 44].

В ряде населенных пунктов под видом общих собраний граждан проводились собрания мужчин, принимавших вид судилищ и фактически представлявших собой расправу по личным мотивам над неугодными женщинами санкционируемым способом. Так, народный суд 2-го участка Челябинского уезда 17 января 1921 г. рассмотрел дело по обвинению в проституции гражданки А. П. Б., жительницы поселка Батуриновское. Заявление поступило от ее мужа М. П. Б. и было скорее всего написано под диктовку свекра или свекрови (так как в заявлении вместо слова «жена» фигурируют слова «сноха его») [31, л. 28]. Заведению уголовного дела и передаче его в суд предшествовало общее собрание жителей поселка Батуриновское 8 января 1921 г. под председательством С. М. Петрова, на котором присутствовало 35 человек (все — мужчины, из них 11 человек имели фамилию Б.). В его повестку дня был вынесен один вопрос — «О поведении гражданки А. П. Б. и мужа ее М. П. Б.». В протоколе собрания отмечалось: «Гражданин М. П. Б. безукоризненного поведения, а сноха его А. Б. со дня ухода ее мужа... в Красную Армию в доме своем допускала банкетство с солдатами и другими лицами, каковые поселковый совет неоднократно разгонял и даже наказывал ее принудительными работами, несмотря на все это она ведоть (ведет. — М. М.) себя по сей время одинаково» [31, л. 29]. Дело было направлено в народный суд.

С марта 1921 г. в Советской России была введена новая экономическая политика. В ее рамках происходили легализация и возрождение рыночных отношений. Поскольку постоянно сохранялись факторы, формирующие спрос: половые потребности мужчин, скопления мужчин без женщин в местах дислокации армий [18, 19], трудовых армий, в концентрационных лагерях и др., постольку объективно не могло не усилиться и предложение. Стихийный рынок интимных услуг в мирных условиях при легализации рыночных отношений в рамках нэпа постоянно расширялся. Голод вызывал увеличение предложения женского тела и падение цены, вследствие чего катастрофический рост проституции был неизбежен. Он оказался неожиданным для представителей новой власти, многие из которых полагали, что с исчезновением эксплуатации исчезнет и проституция, ведь практика 1918—1919 гг., казалось, подтверждала это положение. В условиях Гражданской войны летние военные лагеря и крупные ярмарки (Тюменская и др.), жилые дома с прислугой, портерные и ночлежные дома прекратили свое существование. При нэпе, однако, стали возрождаться также выступавшие традиционно в царской России очагами распространения проституции рестораны, кафетерии, трактиры, гостиницы, постоялые дворы и другие схожие заведения [2; 20, с. 41, 45—46, 50, 52]. Демобилизация Красной

Армии породила скопление бессрочноотпускных красноармейцев, возвращающихся по домам. Для их размещения во всех крупных населенных пунктах, расположенных по основным маршрутам следования, создавались сборно-пересыльные пункты, карантинные, временные помещения для ночлега и отдыха, временные общежития и т. д. [30, с. 316]. Возрождались транспортная проституция. Транспортная проститутка была самой забитой, опустившейся и голодной женщиной. Группа транспортных проституток разделялась на разъездных (в поездах) и вокзальных [1, с. 48].

Сведения о проституции в марте 1921 г. собирались на Урале по волостям органами милиции, а также уездными отделами социального обеспечения и женотделами [35, л. 49]. В марте 1921 г. во все волости пришло предписание доложить о состоянии проституции. Сбор необходимой информации был поручен волостным организаторам по работе среди женщин. Характерен ответ, который поступил из Русско-Теченского волкома РКП Каменского уезда Екатеринбургской губернии: «...сообщаем, что во всех организациях поведение товарищей пока благоприятное, а в населенных до некоторой степени ощущается в поведении гражданок слабость. Но в предусмотрении волисполкома за разгульное поведение привлекаются к наряду без очереди, и благодаря этому встречается небольшой процент» [35, л. 51]. Это матрица, отражающая восприятие борьбы с проституцией в сознании партийцев начала 1920-х гг. Типичные ее черты — обращенность внимания внутрь организации, смешение проституирования с разгульным поведением в целом, ориентация на административные карательные меры.

В 1921 г. на Урале в Челябинской и Пермской губерниях были созданы губернские комиссии по борьбе с проституцией. 10 марта 1921 г. в Челябинске состоялось первое организационное заседание такой комиссии. В представлении работников комиссии женщины четко разделялись на две категории: профессиональные проститутки, сделавшие проституцию основным родом занятий, их предполагалось помещать в специальный концентрационный лагерь (наличие такого лагеря выяснялось через исполком), а также беспризорные женщины, еще не перешедшие черту профессиональной проституции. Было принято решение для таких женщин оборудовать в кратчайшие сроки Дом временного пребывания для беспризорных женщин, не имеющих приюта. Несколько женщин-работниц были направлены на станцию Челябинск для проведения разъяснительной работы среди проезжающих женщин, а также выявления «злостных лиц», занимающихся проституцией, с целью препровождения их в «специальные учреждения». Комиссия собиралась первоначально два раза в месяц для обсуждения директив, состояния работы, выработки плана [27, с. 487; 42, с. 93—94], с мая 1921 г. — один раз в месяц [31, л. 21]. Ею было подготовлено и разослано 6 мая 1921 г. циркулярное письмо об организации комиссий по борьбе с проституцией в уездах. 27 июня 1921 г. было послано еще одно циркулярное письмо, в котором отмечалось, что за последнее время с мест не поступало никаких сведений ни об организации, ни о работе таковых комиссий, из чего делался вывод о том, что работа совершенно не ведется или ведется очень слабо. Предлагалось вновь сообщить об организации комиссий и их составе, о проделанной работе, установить месячную отчетность. Очередное

заседание комиссии должно было состояться 30 июня 1921 г. в 18-00 в доме № 69, расположенном по улице имени Карла Маркса. В состав Челябинской губернской комиссии по борьбе с проституцией входило 7 человек: от губернского отдела народного образования — Рудакова (вместо назначенной ранее Вержбицкой), от Союза молодежи — Гольмон, от отдела охраны труда — Комельков, от женотдела — Бленкфейд, от губернского совета профессиональных союзов — Корнилаев, от губернского отдела юстиции была намечена кандидатура Бжарко, от союза врачей первоначально была намечена Таубер, затем введена Торбакова [31, л. 22]. В Челябинской губернии информация о проституирующих женщинах поступала в комиссии по борьбе с проституцией разного уровня от агентов. Была предпринята попытка создать комиссии по борьбе с проституцией в рамках делегатских собраний. Были выделены женщины-делегатки — агенты таких комиссий. Они выходили на улицы, на вокзалы и выявляли женщин, девушек, занимающихся проституцией, затем сообщали в районные и городские женские отделы.

21 июля 1921 г. вопрос о борьбе с проституцией рассматривался (вторым после доклада по истории рабочего движения) на общегородском делегатском собрании женщин г. Челябинска. Делегатка рассказала о работе агента делегатской комиссии по борьбе с проституцией Кондаковой, отметила, что работа идет очень трудно, администрация, губком РКП(б) относятся пассивно и несколько не помогают. «Налет если берет женщину без всяких документов, уже видно, что определенная испорчена, а большинство 16—15 лет вовсе молодых женщин губится» [33, л. 98—98 об.]. Выявлять проституирующих женщин предполагалось в том числе при дезинфекционных работах. Но связь с дезинфекторами не была налажена. Предложение Челябинской губернской комиссии по борьбе с проституцией выявлять бездокументных женщин и направлять их на обследование осталось на бумаге. Принудительное медицинское обследование проституток было запрещено [27, с. 487]. Вносится новое предложение: договориться с комиссией по борьбе с проституцией, чтобы она чаще требовала отчеты от агентов, и работать с бездокументными женщинами, выявленными при дезинфекции [33, л. 98—98 об.].

На очередном заседании Челябинской губернской комиссии по борьбе с проституцией, состоявшемся 30 июня 1921 г., присутствовали лишь 4 человека (Корнилаев, Рудакова, Торбакова и Розенгауз от женотдела, вместо Блейнкфейд). Обсуждался вопрос о венерической больнице, для которой подыскивалось помещение. По результатам поиска было решено послать запрос в уисполком. После обсуждения вопроса о положении Дома временного пребывания для женщин (на улице Труда) была создана комиссия в составе Торбаковой, представителей от санитарной инспекции и отдела социального обеспечения для обследования состояния Дома. Часть помещаемых в Дом временного пребывания женщин имели детей, поэтому встал вопрос о приеме этих детей в детские дома, который решался через отдел народного образования. Отметив слабую связь с губкомами, уездкомами и месткомами, члены комиссии обсудили работу по организации цикла лекций о борьбе с проституцией в уездах. В уездные комиссии по борьбе с проституцией были разосланы разработанные конспекты лекций с тем, чтобы в уездах приступили к организации

цикла и привлечению слушательниц. Было решено просить отдел социального обеспечения выделить одного из работников в качестве технического секретаря, а заседания устраивать 1 раз в неделю [31, л. 23—23 об.]. Рассматривался также вопрос о работе на волостном уровне, о мерах просветительско-воспитательной работы для волостных комиссий по борьбе с проституцией. Как частую причину распространения проституции называли «низкий уровень развития понятий полового вопроса», поэтому ставилась цель разъяснять унижительность проституции, ее роль в распространении венерических заболеваний и их последствия. Волостных организаторов по работе среди женщин обязывали следить за тем, чтобы на поселковых собраниях женщин конкретно освещался данный вопрос. Предлагалось силами отдела народного образования, комиссии по борьбе с проституцией, волостной ячейки РКП (б), учительства и медицинского персонала провести также цикл лекций среди юношества в комсомольских организациях и школах 2-й ступени. В 1921 г. в Челябинске, вероятнее всего в июле, в клубе «Спартак» в 20-00 состоялась лекция-спектакль «Семья и брак в Советской России». Вход был свободным. Листовки-объявления об этом мероприятии были развешены по всему городу [31, л. 50]. В июне 1921 г. в женотдел Пермского губкома РКП (б) направляется для ознакомления с его деятельностью, в том числе и работой по борьбе с проституцией, товарищ Подобед из женотдела Челябинского губкома РКП (б) [31, л. 25].

В Оренбурге в местной прессе регулярно публиковались сведения о количестве обнаруженных «притонов разврата» и их обитательниц. Только с июля по декабрь 1921 г. оренбургской милицией было выявлено 58 домов терпимости и зарегистрировано 137 проституток [42, с. 87—88]. В Башкирии комиссия по борьбе с проституцией существовала при Наркомздраве республики. Однако, по данным И. Г. Сытник, в отчетах о ее деятельности отмечалось, что она оказалась совершенно неработоспособна: вся работа комиссии выразилась в организации санитарных судов, осуждающих венерические болезни, и в проведении двух-трех заседаний, которые, по сути, так и не вынесли скольконибудь действенных решений [42, с. 93].

Быстрому развитию проституции в Екатеринбурге и губернии способствовал стремительный рост числа частных заведений (кафе, ресторанов и т. д.), особенно с азартными играми (лото, бикс, рулет, карты и др.) [29, с. 11]. В Екатеринбургской губернии комиссия по борьбе с проституцией при губернском отделе работниц также была создана в 1921 г. Ее деятельность первоначально была направлена на организацию общественных работ и женских артелей. Попытки создать женские артели зимой 1921/22 г. не увенчались успехом из-за отсутствия денежных средств, сырья, заказов [38, л. 62—62 об.]. Вероятно, к апрелю 1922 г. работа комиссии была фактически приостановлена. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что подобная комиссия не указана в списке постоянных и временных комиссий при губернском совете профессиональных союзов или вне его, но с представителями последнего [11, с. 47—50].

К концу 1921 г. Межведомственной комиссией были опубликованы новые «Тезисы по борьбе с проституцией» [24, с. 53—56]. Продолжение массового голода на Урале в начале 1922 г. определило ее дальнейший резкий рост.

«Прямая угроза смерти от голода стала толкать сотни девушек и девочек в объятия проституции», — отмечали Л. А. Василевская и Л. М. Василевский [6, с. 69]. Весной 1922 г. в губернские женотделы Урала поступили на обсуждение тексты докладов отдела социального обеспечения к X Всероссийскому съезду Советов, к 8 Марта. «По вопросу о борьбе с нищенством и проституцией, — отмечалось в них, — говорить много не приходится, так как в этой области пока ничего не сделано, не сделано не потому, что не хотели, а потому, что не представлялось возможным, ибо сложившиеся экономические условия не позволяли не только развернуть работу во всей ее широте, но даже и приступить к таковой не могли. В настоящее время создана на этот предмет комиссия, которая и будет вести работу в этой области при женотделе под руководством подотдела учреждений социального обеспечения собеза» [9, л. 402]. 1 июня 1922 г. вошел в силу Уголовный кодекс РСФСР, вводивший нормы ответственности за содержание притонов разврата, сводничество и за вербовку женщин для разврата [17, с. 143]. Это стало началом следующего этапа по борьбе с проституцией в регионах.

Таким образом, в исследуемый период проституция нормативно еще не признавалась одним из видов антиобщественной деятельности (как это будет сделано в 1935 г.). Рост женской безработицы по мере введения нэпа усиливал опасность «впадения в проституцию». Группу риска составляли в первую очередь так называемые «бездокументные женщины», девушки и молодые женщины, не имеющие профессии, а также лишившиеся работы в связи с увольнениями женщины, имеющие детей. Центрами стягивания и распространения проституции становились места большого скопления мужчин, оставшихся без женщин, главными очагами проституции выступали крупные города. Значительная масса беспризорных женщин, не имеющих средств к существованию, неделями жили на вокзалах без денег, хлеба, крова, именно эта категория была особенно склонна к проституции. Возрождались «голодная» проституция, железнодорожная, «зеленая» и уличная, в том числе «скамеечная». Первоначально предпринимаемые меры административного характера (облавы, задержания, принудительные осмотры) постепенно сменялись профилактическими, в первую очередь агитационно-просветительскими. Вместо направления в суды и затем в концентрационные лагеря проститутки стали отправлять обратно в женотделы. Однако наблюдение со стороны органов милиции за ситуацией в сфере функционирования притонов разврата сохранялось.

Библиографический список

1. *Атьков О. Ю., Цфасман А. З.* К истории железнодорожной медицины. URL: <http://www.centralmed.ru/files/centralmed/history.pdf> (дата обращения: 03.09.2010).
2. *Белов С.* Проституция в г. Тюмени (XVII в. — 1920-е гг.): постановка проблемы. Тюмень : б. и., 2009 // Тюменская история. URL: http://www.liveinternet.ru/users/2807150/post93861404/#_edn32 (дата обращения: 31.10.2010).
3. *Бордюгов Г. А.* Социальный паразитизм или социальные аномалии? : (из истории борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией, бродяжничеством в 20—30-е гг.) // История СССР. 1989. № 1. С. 60—73.

4. *Бравина М. А.* Повседневная жизнь Симбирска в условиях революции и Гражданской войны (1917—1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2008. 24 с.
5. *Броннер В. М., Елистратов А. И.* Проституция в России: проституция в России до 1917 г. Борьба с проституцией в РСФСР. М.: Изд-во Наркомздрова, 1927. 108 с.
6. *Василевская Л. А., Василевский Л. М.* Проституция и новая Россия. Тверь: Октябрь, 1923. 84 с.
7. Воззвание к населению г. Шадринска начальника гарнизона Ж. Звонярского и военного комиссара А. Коляго с призывом искоренения пьянства и разврата (август 1919 г.) // Общество и власть: российская провинция, 1917—1985: Свердловская область: документы и материалы / гл. ред. В. В. Алексеев; сост. Е. Ю. Баранов, Е. В. Вертилецкая, С. В. Воробьев и др. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. Т. 1: 1917—1941. С. 202—203.
8. *Гальперин С. Е.* Проституция в прошлом и настоящем. М.: Охрана материнства и младенчества, 1928. 40 с.
9. Государственный архив Пермского края. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 1999.
10. *Гельман И.* Половая жизнь современной молодежи: опыт социально-биологического обследования. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 150 с.
11. Год работы профсоюзов Екатеринбургской губернии: (отчет Губпрофсовета III губ. съезду профсоюзов за период с 18. III-21 г. по 07.V-22 г.) / Екатеринбург. губ. совет проф. союзов. Екатеринбург: Гранит, 1922. 192 с.
12. *Голод С. И.* Проституция: возникновение, эволюция и современное состояние // Здоровый образ жизни и борьба с социальными болезнями: сб. ст. / отв. ред. Б. М. Левин. М.: Ин-т социологии, 1988. С. 136—149.
13. *Голосенко И. А. Голод С. И.* Социологические исследования проституции в России: (история и современное состояние вопроса). СПб.: Петрополис, 1998. 123 с.
14. *Горфин Д. В.* Проституция // Большая сов. энцикл. / гл. ред. О. Ю. Шмидт. М.: ОГИЗ РСФСР, 1940. Т. 47. С. 330—336.
15. *Гуткин А. Я.* Задачи современного общества в борьбе с проституцией / Оренбургский губернский совет по борьбе с проституцией. Оренбург, 1924. 38 с.
16. *Жижиленко А. А., Оршанский Л. Г.* Половые преступления / под ред. Л. Г. Оршанского, А. А. Жижиленко, И. Я. Дерзибашева. Л.: Рабочий суд, 1927. 112 с.
17. *Игнатов А. Н.* Проблемы правовой борьбы с проституцией // Проституция и преступность. М.: Юрид. лит., 1991. С. 139—148.
18. Из двухнедельной информсводки Киевского губчека с 15 по 31 октября 1920 г. URL: <http://ecsocman.edu.ru/data/984/671/1219/006.Prilozhenie.pdf> (дата обращения: 31.10.2010).
19. Из письма № 850 Л. Д. Троцкого «Больше равенства», направленного Реввоенсоветам фронтов, армий и всем ответственным работникам Красной Армии и Красного Флота, 31 окт. 1920 г. URL: <http://ecsocman.edu.ru/data/984/671/1219/006.Prilozhenie.pdf> (дата обращения: 31.10.2010).
20. *Калачев Б. Ф.* Взгляд на проблему через... столетие // Проституция и преступность. М.: Юрид. лит., 1991. С. 36—54.
21. *Каплун С. И.* Современные проблемы женского труда и быта. 2-е изд. М.: Вопр. труда, 1925. 120 с.
22. *Кулинич Н. Г.* Дальневосточные города в 1920—1930-е гг.: «пережитки прошлого» в жизни населения // Новый ист. вестн. 2009. № 2 (20). URL: http://www.nivestnik.ru/2009_2/07.shtml (дата обращения: 02.11.2010).

23. *Лебина Н. Б., Шкаровский М. В.* Проституция в Петербурге (40-е годы XIX в. — 40-е годы XX в.). М. : Прогресс-Академия, 1994. 224 с.
24. *Лебина Н. Б.* Эра милосердия? : надежды и крах советской благотворительности // Родина : рос. ист. ил. журн. 2010. № 3. С. 53—56.
25. Материалы Междуведомственной комиссии по борьбе с проституцией / РСФСР ; Нар. ком. соц. обеспечения ; Междувед. ком. по борьбе с проституцией. М. : Госиздат, 1921. Вып. 1. 16 с.
26. *Морозова Ю. А.* Участие женщин в политической жизни Республики Немцев Поволжья (1920-е годы) // Национальный исследовательский Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/9665/4.pdf> 968 (дата обращения: 31.10.2010).
27. *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе : будни населения Урала в 1917—1922 гг. М. : РОССПЭН, 2001. 613 с.
28. *Нарский И. В.* «Комплекс мачо», продажная любовь и вкус человечины: гендерные составляющие выживания русской революции // Женская повседневность в России в XVIII—XX вв. : материалы Междунар. науч. конф., 25—26 сент. 2003 г. / отв. ред. П. П. Щербинин. Тамбов : Тамбов. гос. ун-т, 2003. URL: http://library.gender-e.hu.org/hms/attach.php/t__articles.files/id__198/Narskij.pdf (дата обращения: 20.09.2009).
29. О разрешении частных заведений с неазартными играми : обяз. постановление Екатеринбург. губ. исполн. ком. Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, 19 сент. 1922 г. № 119 // Сб. действующих обяз. постановлений Екатеринбург. губисполкома за 1923 г. Екатеринбург : Изд-во Екатеринбург. губ. исполн. ком. Советов, 1923. С. 11.
30. Об обеспечении санитарных условий для бессрочноотпускных красноармейцев, возвращающихся по своим домам : постановление Совета Труда и Оборона, 18 февр. 1921 г. // Становление и развитие здравоохранения в первые годы Советской власти, 1917—1924 гг. : сб. документов и материалов / сост. В. Додонов, Л. И. Завалищенко и др. М. : Медицина, 1966. С. 316—317.
31. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 412. Далее: ОГАЧО.
32. ОГАЧО. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 425.
33. ОГАЧО. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 426.
34. ОГАЧО. Ф. Р-422. Оп. 5. Д. 41.
35. ОГАЧО. Ф. Р-1103. Оп. 1. Д. 24.
36. *Панин С. Е.* Повседневная жизнь советских городов: пьянство, проституция, преступность и борьба с ними в 1920-е годы : (на материалах Пензенской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002. 19 с.
37. *Панин С. Е.* Борьба с проституцией в России в 1920-х годах // Вопр. истории. 2004. № 9. URL: <http://www.whghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fwww.august-1914.ru%2Fpanin.pdf> (дата обращения: 04.11.2010).
38. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 175.
39. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР : постановление Народ. комиссариата юстиции Российской Федерации от 12 дек. 1919 г. Электрон. документооборот «Кодекс: Документооборот». URL: <http://www.kodeks-luks.ru/ciws/site?tid=63...> (дата обращения: 01.11.2010).
40. *Соколов А. К.* Повседневная жизнь советских людей, 1920-е годы // Социальная история : ежегодник, 1998/99. М. : РОССПЭН, 1999. С. 265—287.

41. *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России : феминизм, нигилизм и большевизм, 1860—1930 / пер. с англ. И. А. Школьниковой, О. В. Шныровой ; науч. ред. Б. Н. Миронов, О. В. Шнырова, И. И. Юкина. М. : РОССПЭН, 2004. 616 с.
42. *Сытник И. Г.* Женский вопрос в политике государства и его решение на Южном Урале: 1918—1930 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2006. 194 с.
43. Уголовный розыск Южного Урала : годы, события, люди, 1918—2003 / авт.-сост. Д. В. Смирнов. Челябинск : Книга, 2003. 321 с.
44. *Усманов Н. В.* Американская помощь голодающим на Южном Урале в 1921—1923 гг. : документы госархивов Республики Башкортостан // Отечественные архивы. 2009. № 1. С. 48—54.
45. *Хмелевская Ю. Ю.* «Как в завоеванной стране»: американский опыт Первой мировой войны в битве с голодом в Советской России (1921—1923) // Опыт мировых войн в истории России : сб. ст. / редкол. : И. В. Нарский и др. Челябинск : Каменный пояс, 2007. С. 553—576.
46. *Цеткин К.* Ленин и трудящаяся женщина. Л. : Госиздат, 1927. 48 с.
47. *Юнусова А. Б.* Из истории борьбы с проституцией // Археография Южного Урала. Уфа : Китап, 2002. С. 200—202.

ББК 60.542.22

О. И. Курто

**МУЖСКОЙ МИР, МУЖСКИЕ ЦЕННОСТИ:
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ МУЖЧИН-СТАРАТЕЛЕЙ
«ЖЕЛТУГИНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ» 1883—1886 гг.**

Основным отличием гендерной антропологии от антропологии классической является желание увидеть в любом историческом акторе человека определенного пола. Именно потому, что в старых публикациях по классической (или традиционной) антропологии описывался некий среднестатистический индивид, наделенный целым комплексом свойств, считавшихся «нормой», и индивид этот был, как правило, мужчиной, в последние годы резко выросло и продолжает расти число работ по «женской истории» и истории женской повседневности. Напротив, изучение истории и повседневности мужчин неожиданно оказалось в нашей гуманитаристике в арьергарде. «Мужской вопрос» остается все еще малоизученным и слабее проблематизированным, нежели «женский». И если, особенно начиная со второй половины XX в., число женщин-исследователей истории женщин стало активно расти, то исследователей «мужской истории» крайне мало.

Перед ученым открыт огромный простор для работы, позволяющий по-новому взглянуть на все уже изученные проблемы. Однако в данном тексте я

обращусь к вопросу не только не изученному в гендерном плане, но и основательно забытому с исторической точки зрения. Тема его — Желтугинская республика, история союза мужчин-старателей, незаконно добывавших золото на китайской территории в конце XIX в.

Желтугинская республика не была уникальной. Золотоносные реки Сибири, Дальнего Востока и Маньчжурии спровоцировали во второй половине XIX в. «золотую лихорадку», охватившую всю территорию Российской империи. Потоки авантюристов и охотников за быстрой наживой устремлялись к каждому новому месторождению золота. В местах добычи формировались особые мужские (реже смешанные) коллективы, жизнь в которых в современной литературе описана недостаточно. Каков был быт и особенности труда в таких мужских поселениях? Чем отличались господствовавшие в таких сообществах порядки? Менялись ли психология и самоопределение поселенцев?

Для ответа на поставленные вопросы мною были проведены самостоятельные полевые исследования на северо-востоке Внутренней Монголии¹, проанализированы и коллекции геологических музеев Москвы. Определенную информацию удалось собрать по старым публикациям, таким как «Амурская Калифорния» [1] и «Описание Маньчжурии» [22]. Ценными источниками являются записанные во второй половине XIX в. свидетельства очевидцев в журналах «Сибирь», «Восточное обозрение», «Вестник Императорского Русского Географического Общества», «Жизнь на восточной окраине» и коллекции рассказов в сборнике, сформированном Н. В. Латкиным «На сибирских золотых приисках» [18].

Желание сопоставить мужскую повседневность в разных артелях мужчин-старателей заставило обратиться к материалам, описывающим иные, нежели Желтугинская республика, незаконные образования [7, 10, 11, 13, 18, 26, 30, 34]. Автор считает, что единый временной промежуток, общность целей и мотивов, единство деятельности и существовавших условий позволяют предполагать, что сформированный быт и особенности жизнеобеспечения, за некоторыми различиями, были схожи как у золотоискателей Забайкалья, так и у тех, кто трудился в Приамурье. Обрывочные сведения можно также найти в популярных в то время дневниках путешественников [12, 23, 33], художественной литературе [9, 10, 14, 20, 21, 23—25, 28, 29, 31].

Что касается работ исследователей, то следует отметить, что на гендерном аспекте вопроса никто не останавливался. Общие же сведения можно почерпнуть в трудах геологов Э. Э. Анерта [3—6] и А. Е. Федорова [35], некоторых статьях общенаучного характера [15, 16, 19, 36], в коллективном труде «Тайга дальневосточная» [32]. Число работ, в которых авторы касались темы быта рудознатцев, довольно велико [2, 8, 17, 27], но аспект, взятый нами, не замечен никем. В этом заключается сложность восстановления исторических реалий.

---

¹ Полевые материалы были собраны в провинции Хэйлунцзян (г. Харбин), автономном районе Внутренняя Монголия (г. Хайлар, Лабдарин, с. Шивэй, Эньхэ) в июне—сентябре 2009 г.

Итак, Желтугинская республика, созданная на китайской территории в районе небольшой речки Желтуги (она же Желтуха или Желта; китайское название — Мохэ), впадавшей в М. Албазиху и относившуюся к правой части амурского бассейна, была одним из существовавших во второй половине XIX в. на территории Сибири, Дальнего Востока и Маньчжурии незаконных поселений в местах добычи золота

Весной 1883 г. местный мужичок, ороchon Ванька, случайно обнаружил на реке Желтуге несколько золотых самородков. Исследовавшие их специалисты установили не только высокое качество самородков, но и необычайное богатство золотоносных слоев Желтуги. Известия об этом быстро долетели сначала до ближайших населенных пунктов — русских станиц Игнашино, Покровка и Амазар [1, с. 275], а затем распространились и по всему Дальнему Востоку и Сибири. В сентябре в сторону прииска устремилось несколько тысяч мужчин из Ниманской, Бутинской, Верхне-Зейской и других золотопромышленных компаний. Вслед за ними потянулся мелкий торговый люд [22, с. 278] — тоже по преимуществу или исключительно мужчины.

На начало 1884 г. численность населения на прииске достигла 5—7 тыс. (можно считать — исключительно мужчин), в начале 1885 г. — уже 10 тыс. Летом число старателей уменьшалось в связи с невозможностью осуществления работ во время разлива рек. В конце 1885 г. на прииске насчитывалось порядка 5 тыс. человек [22, с. 487].

Женщины изначально не стремились на прииск из-за тягот и невзгод старательской жизни, отсутствия условий для создания семейного очага. Появление на прииске женщин грозило ростом напряженности в среде изголодавшихся по женской ласке мужчин; женщины в старательские поселения просто не допускались. Нарушившие этот закон мужчины подвергались телесным наказаниям в виде 400 ударов палкой. Вместе с тем мужеложество и половое сношение с самками животных каралось 500 ударами терновника, что было равносильно смертной казни [22, с. 493—494]. Женщины стали появляться на прииске лишь в самом конце существования Желтуги, когда в ней уже были налажены сносные бытовые условия.

Желтуга была, по сути, «международной Калифорнией» [1, с. 273]. Здесь проживали «корейцы, ороchоны, евреи, немцы, французы, поляки, американцы» [22, с. 487]. Национальное многообразие порождало проблему языка, но т. к. основная масса мужиков-рудознатцев имела русское подданство, языком общения обычно был русский, а также распространенный в русско-китайском приграничьи «кяхтинский пиджин». Вынужденно жившие плотной мужской компанией, жители прииска выработали и систему условных зарубок — важных в условиях тайги опознавательных знаков.

Одинокие мужчины-«калифорнийцы» жили в зимовьях, расположенных по склонам двух гор. Строительство зимовья (около 4 сажень в ширину и около 3 аршинов в высоту) обходилось примерно в 200 руб., что предполагало создание некоего денежного «общака». Зимовье представляло собой деревянный сруб без окон и с одной дверью. Пол в нем был деревянным, иногда крытым корой или опилками; крыша — плоской, и каждому рудознатцу приходи-

лось участвовать в заготовке лапника или коры, которыми ее крыли. По стенам зимовья располагались нары каждого мужчины. В том же помещении хранился инструмент. Отапливалось зимовье выложенной из камня печью или очагом, топившимися по-черному. Вставали старатели очень рано, до восхода солнца; ложились поздно, трудились на износ. Еду готовили по очереди, и мужчины быстро тому обучались, даже если до прихода на прииск привыкли к иному образу жизни в обычных семьях; готовили рис и другую крупу, а также мясо добытых в лесу животных, пойманную рыбу, грибы и ягоды².

Вынужденно лишенное общения с женщинами, население Желтуги должно было как-то заполнять свободные часы досуга. Не удивительно, что на одной из центральных «площадей», так называемом Орловом поле, едва возникло поселение, был выстроен и первый кабак, в котором собирались приискатели. Там они развлекались тем, что играли в свою любимую «орлянку». Возможно, Орлово поле и получило такое название по этой игре.

Прибывавшие вновь старатели строили свои зимовья параллельным вторым рядом; так возникла улица между этими домами одиноких мужчин, получившая название Миллионной. Из-за близости к разрезу, где шла добыча, жить на Миллионной улице считалось престижным. Китайцы (тоже одни мужчины) жили обособленно и чуть поодаль. Даже в такой нелегкой обстановке, как золотой прииск, среди вновь прибывших попадались мужчины-рудознатцы, предпочитавшие селиться отдельно, но все равно близ разбросанных по территории приисков гнездовых россыпей домов на несколько человек.

Проживавшие вынужденно вдали от женщин, стариков и детей, но выросшие в обстановке традиционных семей и обычной административной организации, желтугинцы, едва создав свое поселение, по сути, воспроизвели то, что им было знакомо. Социальное неравенство среди, казалось бы, находящихся в равном изначальном положении рудознатцев и приискателей появилось быстро и незаметно. В основе возникшей (назовем условно) кастовой системы лежала та сфера деятельности, которой занимался поселенец. Наиболее многочисленной была группа *приискателей*, или *хищников*. В старатели они попадали по собственной инициативе либо вербовались агентами золотопромышленных компаний. Вербовщики разъезжали по различным уголкам Сибири и Дальнего Востока, привлекая измученных нуждой крестьян рассказами о разгульной желтугинской жизни. Вербовка на новый сезон, начавшись осенью, продолжалась до ноября и даже декабря [18, с. 205—206]. Старатели получали задаток, мечты о самородках кружили голову, как следствие, начиналось беспробудное пьянство, продолжавшееся до тех пор, пока от задатков ничего не оставалось. Уходя на прииски, крестьяне пропивали все: шапки, шубы, рукавицы, бродни, рубашки, пр. От приказчика требовалось большое терпение, энергия и умение общаться с самыми разнохарактерными сильно пьяными людьми, чтобы доставить их на прииск. Разумеется, среди этих краснобаев — знатоков мужской психологии и их слабостей были также одни мужчины. На сборный пункт будущие старатели яв-

---

² Интервью с А. В. Сурковым (Москва, 11.03.2010).

лялись «яко наг, яко благ» и получали в счет будущих заработков новую одежду. Однако, привыкшие к безостановочному пьянству еще в своих семьях, большинство из них успевали пропить все выданное до того, как доходили до тайги [28, с. 164].

Другой не менее колоритной группой желтугинских обывателей являлись *спиртоносы*. Ввиду того что одной из немногих доступных радостей мужчин-старателей была рюмка водки, за нее они готовы были отдать многое. Но законы республики запрещали открывать питейные заведения ближе чем в 50 верстах от золотых приисков [18, с. 169]. За продажу водки из-под полы наказывали 25 руб. штрафа, попавшимся вторично приходилось платить — 50, в 3-й раз 100 руб. [1, с. 299]. За открытое пьянство наказывали 100 розгами [22, с. 494]. Позднее расстояние между кабаками и приисками сократили до 25 верст. Это привело к росту торговли спиртными напитками. Старатели выменивали водку на наличные или украденное золото.

Спиртоносы шли на ухищрения, чтобы продать водку; они бродили по таежным тропам, оповещая доверенных лиц о своем прибытии при помощи специальных условных знаков. Узнав о прибытии спиртоноса, рабочий, скрываясь от приисковой администрации и милицейских казаков, получал вожделенное спиртное [12]. Любопытно, что мужчин, занимавшихся нелегальной продажей спирта, их покупатели считали самыми опустившимися, стоящими на низшей ступени иерархии.

Однако те из спиртоносов, которым удавалось заработать, меняли и тактику поведения, и статус. Они делали заявку на участок, расположенный неподалеку от крупного прииска. Став хозяевами выделенного участка, они нанимали тех, кто под видом рабочих готов был заниматься меной разбавленной водки на краденное золото. «Расторговавшиеся» могли приобрести несколько приисков и часть средств пустить на добычу золота, а часть — на ту же торговлю: «Казармишку, амбаришку, домишко, если готовых построек нет, выстроит, завезет побольше водки в 40-ведерных боченках... табаку, чаю, сахару, да и моет себе золото... не свое, конечно, а чужое, соседское. У соседа-то товар в амбаре дорогой, а у него дешевле, водка у него и всякое другое питье тоже сравнительно недорогое... ну и несут ему золотую крупку... с соседского прииска, а он на этот товар что хочешь из своего склада променяет» [18, с. 175].

Получая до 200 % прибыли с торговли, такой зажиточный мужик-спиртонос практически не имел расходов на добычу, не тратился ни на контору, ни на конторщика, ни на приисковую администрацию [18, с. 175—176]. При своевременной выплате им всех установленных взносов и сборов проверок не проводилось [18, с. 176].

Третья категория жителей Желтуги — *торговцы* (всего около 300) [1, с. 304]. Сначала их составляли в основном молокане, затем — евреи, которые привлекали покупателей низкими ценами на привозимые (через торговый дом «Диксон и Ко», чьи пароходы доходили до Игнашина) из самого Гамбурга предметы роскоши, вино, одежду, инструменты, оружие, порох [22, с. 488—489]. Известную роль поставщиков товара в Желтугу сыграли и казаки, жившие в приграничных станицах. Они везли сухари, мясо, хлеб, водку, инструменты.

Жизнь в Желтугинской республике стремительно изменялась. За три года старатели перешли от стихийных построек к некоторому подобию организованных поселений: появились гостиницы, кабаки, игорные дома и даже (поскольку обычные для молодых мужчин развлечения с противоположным полом не позволялись) «зверинец и целая труппа жонглеров, фокусников, гимнастов, наездников, два оркестра музыки и несколько органов» [1, с. 288]. Досуговым центром стало так называемое «Монте-Карло» (другое название — «Чита») — здание с тремя комнатами: в одной был буфет с яствами и оркестр, во второй — столовая для желающих поужинать группой и по низким ценам; в третьей же посетители играли в «штос» и рулетку [1, с. 288]. Тут бывшие мужики-крестьяне, быстро намывшие себе «золотишко», проигрывали огромные суммы, до 4 тыс. руб. зараз, хотя этих денег хватило бы и им, и созданным ими семьям (уйди они с ними в свою деревню) на безбедное существование до конца жизни.

Трудно сказать, насколько реально в выстроенных в Желтуге гостиницах, отсутствовало предложение женской ласки за деньги (ведь водку из-под полы продавали). Информанты, однако же, ничего не сообщали о том, но в гостиницах, обеспечивавших клиентов почти европейским уровнем комфорта («Марсель», «Беседа», «Тайга», «Калифорния»), и двух банях (имевших и общие помещения, и «номера») могло быть что-то, способное скрасить жизнь мужчин без женщин [22, с. 489].

В обычные дни мужчины имели редкие часы отдыха. Однако по субботам, в день привоза, все менялось. В центре большой ледяной площади ставили возы и палатки, все вокруг украшали разноцветными флагами. Повсюду бродили шарманщики, в балаганах показывали фокусы и разыгрывали призы; «недалеко от этого места...» ставили железную клетку на колесах, «в которой помещалась пойманная в Приморской области тигрица». Труппа странствующих гимнастов, «одетых в легкое трико и только во время антрактов позволявших себе закутываться в бараньи шубы» поражала воображение присутствующих — возможно, среди них изредка попадались и женщины, но прямых свидетельств тому нет [1, с. 304]. Обыденностью для старателей на этом празднике были десятки верблюдов, на которых торговцы привозили сюда мясо.

К декабрю 1884 г. в Желтугинской республике было открыто около 30 лавок, позднее их число достигло 150. В день они зарабатывали от 200 до 400 руб. Главной доходной статьей был все тот же алкоголь. Особой любовью старателей пользовались спиртные напитки амурской фирмы Хлебникова: коньяк, херес, мадера, шампанское. Расплачивались желающие расслабиться золотом, цена которого устанавливалась произвольно (за 7 золотников — пуд мяса, пуд сухарей или ведро водки). Со временем желтугинцы выработали удобную расчетную единицу — *штуку*, равную одному *золотнику шлихового золота* (дробный вес *штуки* выражался спичками и игральными картами: 1 золотник = 4 карты = 96 спичек) [22, с. 488]³.

---

³ Меры веса, использовавшиеся в Желтугинской республике: 1 фунт = 0,4095 кг; 1 золотник = 96 долей = 4,266 г; 1 доля = 0,044 г.

Золото на приисках покупали по цене от 2 до 4 руб. за грамм. Уже в ближайшем городе (Айгуне) его продавали с наценкой в 50 коп., дальше оно стоило, понятное дело, еще дороже. Зато в самой «республике» торговцы легко поднимали цены на товары, которые было иным путем не приобрести: скажем, мясо в Благовещенске стоило 4 руб., а в Желтуге — 12 руб.; сухари соответственно — 3 руб. 20 коп. и 10—11 руб.; топор — 5 и 10 руб. и т. д.

Желтугинцы быстро наладили почтовое сообщение, корреспонденция в Россию отправлялась регулярно. Острая потребность в медицинском обслуживании (обморожения, травмы различного происхождения, заболевания, связанные с истощением и крайней напряженностью труда) привела туда и врачей. Страдали желтугинцы от тифа и цинги, а вот «городские болезни» (венерические) обходили их, по понятным причинам, стороной. Лазарет старателей, по описаниям, размещался в одном из зимовий и был весьма скромным. Внутри помещение разделялось толстыми бревенчатыми перегородками на четыре комнаты. Самой большой комнатой была палата для больных, в которой находилось 15 деревянных неподвижных коек. Каждую койку вместо матраса застилали двумя рядами мягкого войлока и сверху покрывали белой простыней. Постельный комплект дополняли парусиновые подушки, набитые соломой, с надетыми поверх ситцевыми чехлами и байковое одеяло. Во второй комнате располагалась аптека, в третьей — приемная для больных, в четвертой находились больничная прислуга и кухня. «Больные, поступавшие в лазарет, пользовались безвозмездно, на общественный счет, присмотром за ними лазаретного врача, принадлежащую госпиталю аптекою, уходом и попечением больничной прислуги и, с разрешения врача, полным продовольствием, состоящим из утреннего чая, завтрака, обеда, не более как из трёх блюд, и вечернего чая (к чаю полагался белый хлеб). Такое содержание каждого больного пансионера обходилось лазарету в сложности до 5 рублей в день, что при полном комплекте на 15 человек (а он был с первого дня открытия полным) составляло в месяц 2 250 рублей» [1, с. 305—306]. Все связанные с содержанием лазарета расходы несла приисковая администрация, а т. к. это было весьма затратно, увеличить лазарет до необходимых размеров не представлялось возможным. Примечательно, что места в лазарете отдавались самым бедным и тяжелобольным.

Нелегкие условия жизни, социальная дифференциация порождали высокий уровень криминогенности: с первых дней существования старательской вольницы тут случалось немало краж, грабежей с насилием, убийств. Трупы убитых прятали в лесах либо сжигали. Число преступлений росло стремительно [1, с. 290], и старатели приняли решение избрать ответственного за соблюдение порядка и наделить его широкими правами. Работа его оплачивалась из средств, взимаемых с купцов, приезжавших на прииск. Решение было закреплено присягой и подписанием документа о признании над собой власти избранных руководителей («как достойнейшим из среды нашей и помнящим слово Божие, учившее нас правде и справедливости») и учрежденных ими законов. В основе их — как говорилось в тексте — было «доброе слово», «которое многим... памятно разве только из воспоминаний их детства, проведенного в ко-

лыбели, быть может, на глазах любящих матерей» и готовность «неотступно трудиться на пользу ближнего» [1, с. 293—295].

Примечательно, что, организуя жизнь, как им казалось, на основаниях братства, желтугинцы разделили прииск по числу зимовьев на пять участков, получивших название штатов. В каждом из них выбирали по двое старост сроком на 4 месяца. При выборе оценивали «нравственность и порядочность» — ценности, которые не могли разрушиться в этом мужском мире. Во главе всего прииска (или, как говорили сами желтугинцы, «республики») стоял также выборный *старшина*, или *президент*. Представителей штатов называли *старшинами* либо *старостами*. В целом сходом были установлены три основных принципа существования этого объединения: выборность органов самоуправления, товарищество артелей и суровые наказания за нарушение общественного порядка. Оклад президента республики составлял 400 руб. в месяц, то есть 4 800 в год, а старосты — 200 руб. На левом рукаве верхнего платья президент носил знак из желтой меди с соответствующей надписью, а староста — знак из белой меди. Десять избранных старост образовывали правление Желтугинских приисков. В руках президента и правления находилась вся административная и судебная власть. Старосты решали дела гражданского характера и мелкие уголовные дела, наказание за которые не превышало 100 ударов. О каждом случае наказания староста обязан был докладывать президенту. Все вместе старосты формировали первую инстанцию суда. Остальные серьезные дела решал президент, выступая в качестве второй инстанции.

Самым тяжким преступлением считалось убийство. Суд по нему вершил общественный сход. Сигналом к общему сходу был выстрел из двух пушек, расположенных на Орловом поле. Выстрел из одной пушки созывал на совет старост. Судили беспристрастно [22, с. 493]. На таком же сходе утверждали текст общего для всех желтугинцев закона — конституции. Он был записан в пяти экземплярах и разослан по штатам, где после прочтения закона вслух старшиной все старатели обязаны были его подписать.

Уголовное право Желтуги было весьма строго, если не сказать жестоко, и соответствовало нравам жизни мужчин без женщин: «500 ударов терновником за воровство; 500 — за мужеложество и другие противоестественные пороки и преступления; 500 — за ношение оружия в пьяном виде; 400 ударов палки за привод на прииск женщин; 200 ударов за ночной шум; 100 розог за открытое пьянство» [22, с. 494]. Наказание *терновником* — кнутом, набитым острыми гвоздями, — было равносильно смертной казни.

Интересно, что жившие в конце XIX в. русские мужики, ушедшие на прииски из своих деревень, не позаботились о строительстве церкви, хотя многие золотопромышленники возводили в городах храмы либо жертвовали на их строительство. Похоже, вне естественных условий жизни духовная жизнь была у старателей весьма убогой, храм был лишним, и единственным Богом оставалось золото [13, с. 54]. Во время обычного получасового полдника в котел с кипящей водой могли кинуть фунты дорогого чая и огромную голову сахара, дорогую привозную одежду и обувь носить один день... Рабочий мог биться с конторщиком за каждый недоплаченный ему рубль, а затем ку-

пить на крупную сумму абсолютно ненужные ему бубенчики для лошадиной упряжи [11, с. 266].

Обычно у тех, кто зарабатывал огромные состояния, семьи были так далеко, что о них успевали забыть. У иных, как оказывалось, родные уже умерли, либо отреклись от них, либо находились там, куда проход был закрыт. Постоянное ощущение возможной внезапной смерти (обрушение шахт, нападения, убийства были обычным делом) заставляло их жить одним днем. Век старателя был короток: сильнейший ревматизм, вызванные цингой язвы... Разбросанные в тайге вокруг приисков и позабытые всеми могилы предшественников напоминали о скоротечности жизни.

Выжившие сразу же после расчета устремлялись в близлежащие села и станицы, в частности в некое Игнашино, в котором (едва рядом возник золотой прииск) открылось бесчисленное число кабаков и гостиниц. Они были всегда переполнены [1, с. 280]. Там-то приискателей вмиг окружали кабатчики, пропойцы и продажные женщины. Разгул шел «широкий, могучий, без воли, без удержу, пока последняя трудовая, облитая потом и кровью, добытая путем принижения, холода и голода, копейка» не была потрачена [11, с. 270]. Обычно именно там, стремительно промотав все заработанные тяжким трудом деньги, приискатель скатывался до уровня куда более бедственного, нежели тот, который был у него до найма.

Поскольку существование Желтугинской республики на китайской земле было незаконным, оно не могло быть долгим. В январе 1886 г. она закончила свое существование: объединенное русско-китайское войско разогнало поселение. Однако в истории такой традиционной для нашей земли (и очень мужской) «профессии», как землепроходчество, освоение новых земель, она осталась особой и важной страницей. Как своеобразное поселение значительного числа мужчин — разных как по своему социальному происхождению, так и по национальной принадлежности — она уникальна и для истории Азии, и для истории России. Многотысячное стихийное мужское поселение за короткий срок сумело превратиться в организованное сообщество, имеющее основания назвать себя «республикой». Вдали от семей, от женщин, от полноценного досуга они создали в своем поселении казино, рестораны, обеспечили себя музыкой и иными развлечениями. Возникла довольно демократическая система управления, наличествовала своя законодательная, исполнительная и судебная власть. Удивительно, но факт: вдали от обычной жизни мужчины-старатели не чувствовали потребности в строительстве храма, не приглашали туда православных священников, ни один из них до этого места сам (с миссионерскими целями) не дошел. Жившим на прииске рабочим и рудознателям виделись иные жизненные ориентиры.

Смогли бы что-то подобное организовать в то время женщины, если бы вынужденно создали аналогичное гендерно-сегрегированное поселение? Ответа нет, поскольку нет прецедента. Гендерный анализ повседневности жителей Желтугинской республики убеждает в том, что все в ней носило чисто мужской характер. Наказания были жестокими, беспощадными, не знающими снисхождения; развлечения — буйными, безудержными; труд — до изнеможения, по-

рой — до смерти. Вероятно, женщины с их внутренне подчас неосознанной жизненной миссией (родить и выносить, воспитать ребенка) на такое бы никогда по доброй воле не пошли.

Библиографический список

1. Амурская Калифорния // Сибирские рассказы из жизни приискового люда. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1888. С. 273—322.
2. «Амурская Калифорния» — малоизвестная страница истории золотодобычи в Приамурье в фотографиях из архива земледелия МГУ / К. А. Скрипко, Л. Д. Семенова, В. В. Снакин, О. С. Березнер // История наук о земле. 2009. Т. 2, № 2. С. 53—77.
3. *Анерт Э. Э.* Путешествие по Маньчжурии. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1904. 566 с.
4. *Анерт Э. Э.* Топографические съемки в золотоносных областях Сибири. Б. м. : Тип. тов-ва «Народная польза», 1907. 13 с.
5. *Анерт Э. Э.* Горногеологические исследования вдоль восточной половины линии Амурской железной дороги в 1895 г. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1910. 137 с.
6. *Анерт Э. Э.* Топографические съемки в Приамурье и участие в них разных ведомств : (докл. в Соединенном заседании секций техн. и юрид. 2-го янв. 1912 г.). СПб. : Типо-лит. Биркенфельда, 1913. 4 с.
7. *Арсеньев В. К.* Дерсу Узала ; Сквозь тайгу. М. : Мысль, 1972. 350 с.
8. *Афанасьев П. Ю.* Золото Приамурья. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2006. 208 с.
9. *Баринов О. А.* Золотые тайны Забайкалья. Чита : Экспресс-изд-во, 1999. 224 с.
10. *Васильев Е. И.* Миллионный ключ // Горный журн. 1897. Т. 1. С. 109—112.
11. *Г-в Н.* Олекминская Калифорния // Сибирские рассказы ... С. 238—272.
12. *Грулев М. В.* Записки генерала-еврея // Русская императорская армия : сайт. URL: <http://www.regiment.ru/Lib/B/6/8.htm> (дата обращения: 10.12.2009).
13. *Завитков.* В тайге // Сибирские рассказы ... С. 1—91.
14. *Игнаткин Ю. А.* По диким степям Забайкалья : очерки золота Забайкалья. Чита : Центр науч. и образоват. прогр., 1994. 100 с.
15. *Карсаков Л. П.* Золотая промышленность в Северной Маньчжурии (конец XIX — начало XX в.). URL: http://www.dvbook.ru/book_dalvostok_x2.htm (дата обращения: 28.01.2010).
16. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1994. Т. 1, кн. 1.
17. *Ламин В. А.* Золотой след Сибири. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск : Наука, 2002. 144 с.
18. *Латкин Н. В.* На сибирских золотых приисках : (из таежных воспоминаний). СПб. : Тип. Высочайше утвержд. тов-ва «Общественная польза», 1898. 210 с.
19. *Мухин А. А.* Рабочие Сибири в эпоху капитализма. М. : Наука, 1972. 336 с.
20. *Наумов Н. И.* Собрание сочинений : в 2 т. СПб. : О. Н. Попова, 1897.
21. *Немирович-Данченко В. И.* Забытый рудник. М. : Посредник, 1893. 234 с.
22. Описание Маньчжурии (с картой) / под ред. Дм. Позднеева. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1897. Т. 1. 620 с.
23. Очерки Амурского края, южной части приморской области и острова Сахалина в геологическом и горно-промышленном отношении. СПб. : б. и., 1876. 91 с.
24. *Русанов А. П.* Старательская вольница. Чита : Чит. кн. изд-во, 1995.
25. *Русанов А. П.* Чалдоны. Чита : Чит. кн. изд-во, 2002. 145 с.

26. *Садовников И. Ф.* Систематический указатель к карте золотопромышленного района Олекминского горного округа. СПб. : б. и., 1909.
27. *Сапоговская Л. В.* Частная золотопромышленность России на рубеже XIX—XX вв. : Урал и Сибирь — модели развития. Екатеринбург : РАН, Урал. отд-ние, 1998. 313 с.
28. Сибирские рассказы из жизни приискового люда. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1888. 322 с.
29. Сибирский сборник : прил. к «Восточному обозрению». СПб. : б. и., 1886.
30. *Сретенский.* Сибирские мученики // Сибирские рассказы ... С. 92—237.
31. *Сурков А. В.* Пираты сибирского золота. М. : Волшеб. фонарь, 2009. 272 с.
32. Тайга дальневосточная : фоторассказ о неповторимом творении природы — лесах Дальнего Востока и их обитателях / Ю. Б. Шибнев, Г. Е. Росляков, Ю. И. Дунский, С. Д. Шлотгауэр. Хабаровск : Кн. изд-во, 1986. 336 с.
33. *Тереш М. С.* На Дальний Восток. М. : Тип. А. П. Поплавского, 1904. 231 с.
34. *Уманьский А.* Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге. СПб. : б. и., 1886. 167 с.
35. *Федоров А. Е.* Влияние геолого-географических факторов на социальные явления и активность людей // Система «Планета Земля» : 15 лет междисциплинарному науч. семинару, 1994—2009. М. : ЛЕНАНД, 2009. С. 214—285.
36. Экономические организации рабочих Сибири во второй половине XIX — первые годы XX века // Сибирь капиталистическая. URL: <http://history.nsc.ru/kapital/project/zinoviev/4-6.html> (дата обращения: 20.01.2010).

Аннотации

***Трефилова М. Н., Котлова Т. Б.* Конфликт как фактор трансформации семьи горожан в конце XIX — первой четверти XX в. (На материалах Владимирской, Костромской, Ярославской губерний)**

На основе архивных источников и материалов периодической печати рассмотрены конфликты в семьях горожан в конце XIX — первой четверти XX в. Исследованы причины и динамика семейных конфликтов, стратегии поведения их участников, влияние макрофакторов на изменение конфликтности в семье.

Ключевые слова: семья горожан, семейный конфликт, модернизация института семьи.

***Леонов М. М.* Внебрачные связи и покровительство в России второй половины XIX — начала XX в.**

Исследуются внебрачные отношения, распространенные в светском обществе России рубежа XIX—XX вв. Автор приходит к заключению, что интимные связи служили особым каналом рекрутирования в элитарные круги российского общества, способствовали карьерным успехам и финансовому благополучию протезе. С опорой на обширный комплекс источников описываются стратегии интимного покровительства, практиковавшиеся в дворянских салонах.

Ключевые слова: дворянский салон, патронат, протезирование, неформальные связи, брак, семья, должность, бюрократия, государственная власть, политика.

***Волошун П. В.* «Летний период» великой княгини Елизаветы Федоровны в имении Ильинское**

Рассматриваются образ жизни и виды занятий великой княгини Елизаветы Федоровны в имении Ильинское по часам. Материалы статьи основаны на переписке, дневниковых записях, картах меню завтраков и обедов великой княгини и ее окружения.

Ключевые слова: Елизавета Федоровна, лето, Ильинское.

***Досина Н. В., Смирнов Я. О.* Воспроизводственный потенциал современной российской семьи в контексте пронаталистской социально-демографической политики**

Характеризуются различные факторы пронаталистской социально-демографической политики, раскрывается значимость воспроизводственного потенциала семьи. Вводятся новые понятия экзогенных и эндогенных факторов социально-демографической политики. На материалах социологического исследования в Ярославской области доказывается превалирование эндогенных факторов и возможность их учета в современной социально-демографической политике.

Ключевые слова: семья, воспроизводственный потенциал, рождаемость, репродуктивные установки, гендерные различия.

Козлова Н. Н. Международный женский день 8 Марта как инструмент формирования советской политической культуры

Статья посвящена истории, идеологии и значению политического праздника в СССР — Международного женского дня 8 Марта. Автор считает, что этот праздник играл одну из ключевых ролей в формировании советской политической культуры, являлся каналом трансляции партийно-государственных интересов женскому населению страны для мобилизации советского строительства.

Ключевые слова: гендерная политика, Международный женский день 8 Марта, партийная работа среди женщин, этакратический гендерный контракт, тоталитарная гендерная система, гендерные роли, политическая культура.

Марасанова В. М., Албегова И. Ф., Шаматонина Г. Л. Женщины и образование в конце XVIII — начале XX в. (На примере Ярославской губернии)

Исследуются генезис и развитие гендерных аспектов образования в Ярославской губернии в конце XVIII — начале XX в. Проводится сравнительный анализ образования женщин на других территориях.

Ключевые слова: женщины, образование, гендерные аспекты образования, женские училища, школы при домах призрения, частные пансионы, гимназии.

Мирошниченко М. И. «Злостные лица» женского пола: борьба с проституцией в свете революционного самосознания в 1920—1922 гг. (По материалам Урала)

Статья посвящена анализу представлений о проституции в начале 1920-х гг. Определены основные направления работы комиссий и советов по борьбе с проституцией на Урале; показаны влияние правовой неопределенности на судьбы женщин, трансформация в сознании мужчин — работников партийных и властных органов содержания поступающих из центра инструкций.

Ключевые слова: женщины, женская история, проституция, отделы по работе среди женщин, комиссии по борьбе с проституцией, новая экономическая политика, революционное самосознание.

Курто О. И. Мужской мир, мужские ценности: повседневность мужчин-старателей «Желтугинской республики» 1883—1886 гг.

Рассматривается уникальный опыт существования особого поселения старателей, являвшегося гендерно-сегрегированным, мужским. Созданное в 1883 г. на китайской территории, оно было основано теми, кто хотел быстро разбогатеть. В центре внимания автора картины мужской повседневности старателей, их жизненный мир и жизненные ценности (вдали от семьи, детей, родных), трансформации поселения беглых каторжников и вольнонаемных, бежавших из своих деревень и станиц в экономический и культурный центр Забайкалья (с более чем 10-тысячным населением).

Ключевые слова: мужская повседневность, гендерная сегрегация, жизненный мир и жизненные ценности мужчин, образ жизни, ментальность, Желтуга, золотоискатели.

Summaries

Trefilova M. N., Kotlova T. B. Conflict as a factor of townspeople family transformation at the end of the 19th — the first quarter of the 20th c. (On the materials of Vladimirskaja, Kostromskaja, Jaroslavskaja provinces)

On the basis of archival sources and periodicals data the authors consider the townspeople family conflicts at the end of the 19th — the first quarter of the 20th centuries. The reasons and dynamic of family conflicts, spouses behavior strategies, external factors impact on the changes of conflicts are represented.

Key words: townspeople family, family conflict, modernization of the family institution.

Leonov M. M. Extra-marital relations and patronage in Russia in the second half of the XIXth — beginning of the XXth c.

The article asserts that extra-marital relations could function as a ladder for upward social mobility, allowing one to obtain a certain position and wealth. Drawing on a wide range of sources, the author examines the strategies of private patronage which have been used for several decades in everyday life of Russian noble salons.

Key words: salon, patronage, informal-relationship, marriage, family, position, bureaucracy, state power, politics.

Voloshun P. V. Summer of grand duchess Elizabeth Fedorovna in the manor Ilinskoe

The article considers a description of the way of life and kinds of employment of grand duchess Elizabeth Fedorovna in the manor Ilinskoe on every moment. Article materials are based on correspondence, diary records, cards of the menu of breakfasts and dinners of grand duchess Elizabeth Fedorovna and her environment.

Key words: Elizabeth Fedorovna, summer, Ilinskoe.

Dosina N. V., Smirnov Ya. O. Reproductional potential of modern Russian family in the context of pronatalist social-demographic policy

Various factors of pronatalist social-demographic policy of modern Russia are characterized and the importance of reproductional potential of the family is introduced. The new concepts of exogene and endogen factors of social-demographic policy are introduced. On the materials of sociological research in Yaroslavl region the prevailing of endogen factors is proved and prospects of their account in social-demographic policy are introduced.

Key words: family, reproductional potential, birth rate, reproductive attitudes, gender differences.

Kozlova N. N. International Women's Day, March 8, as a Soviet political culture constructing factor

International Women's Day, March 8, has become the core of forming of a new type of gender culture, the pivot of new gender policy of the Soviet state. By means of Interna-

tional Women's Day, March 8, the Soviet state kept carrying out the Enlightenment project and used in its propaganda the unprecedented social ascent achieved by women as a group.

Key words: International Women's Day, etacritic gender contract, totalitarian gender system, gender equality policy.

Marasanova V. M., Albegova I. F., Shamatonova G. L. Women and education in the late XVIII — early XX c. (In Yaroslavl province)

The genesis and development of gender education in Yaroslavl province in the late XVIII — the beginning of XX c. are investigated. A comparative analysis of women's education in other areas is considered.

Key words: women, education, gender education, women's colleges, schools, homes for charities, private hostels, gymnasiums.

Miroshnichenko M. I. Female «intentional person»: combat with prostitution in the context of revolutionary consciousness in 1920—1922 (Based on material of the Urals)

This article analyzes representations of prostitution in the early 1920's. The main directions of work of commissions and councils combatting prostitution in the Urals are analyzed. The author shows the effect of legal uncertainty on the fate of women, the transformation in the minds of men employees of party and government organs content coming from the center of instructions.

Key words: women, women's history, prostitution, Department of Women, Commission for the Prevention of Prostitution, a new economic policy, revolutionary consciousness.

Kurto O. I. Men's world, men's values: everyday life of men gold-diggers of «Zheltuga republik» in 1883—1886

An article dwells upon the unique experience of gold-diggers' life based on the principles of gender segregation and male community. The settlement established on Chinese territory in 1883 was founded by those who wanted to receive the so-called «hot-money». Diggers lived far from their families, children, relatives. As a result their «everyday life», their personal values and philosophy was different from other's. The settlement of fugitive convicts and hired people of all types (where lived more than 10 000 people) transformed into economic and cultural centre of South Siberia. The article focuses on this phenomena.

Key words: male everyday life, gender segregation, male personal values, way of life, personal philosophy, Zheltuga, gold-diggers.

Авторы номера

- АЛБЕГОВА**
Ирина Федоровна доктор социологических наук, профессор,
зав. кафедрой социальных технологий,
Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова.
alba50@yandex.ru
- ВОЛОШУН**
Полина Васильевна аспирантка кафедры отечественной истории,
Тверской государственный университет.
acta_diurna@mail.ru
- ДОСИНА**
Наталья Викентьевна доктор политических наук, профессор кафедры
социологии, Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова.
nat-dosina@yandex.ru
- КОЗЛОВА**
Наталья Николаевна кандидат исторических наук, доцент кафедры
политологии, Тверской государственный университет.
n_s@pochta.ru
- КОТЛОВА**
Татьяна Борисовна доктор исторических наук, профессор, проректор
по воспитательной работе и связям с общественностью,
Ивановский государственный энергетический
университет им. В. И. Ленина.
ktb@ispu.ru
- КУРТО**
Ольга Игоревна аспирантка Института этнологии
и антропологии РАН (Москва).
panlijia@gmail.com
- ЛЕОНОВ**
Михаил Михайлович кандидат исторических наук, доцент,
зав. кафедрой гуманитарных и правовых дисциплин,
Самарская академия государственного
и муниципального управления.
mmleonov@gmail.com
- МАРАСАНОВА**
Виктория Михайловна доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой музеологии и краеведения,
Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова.
alba50@yandex.ru
- МИРОШНИЧЕНКО**
Мария Ильинична кандидат исторических наук, доцент кафедры истории,
Южно-Уральский государственный университет.
mmi@susu.ac.ru

Авторы номера

СМИРНОВ
Ярослав Олегович

аспирант кафедры социологии,
Ярославский государственный
университет им. П. Г. Демидова.
yaroslavs@mail.ru

ТРЕФИЛОВА
Мария Николаевна

старший специалист 3-го разряда управления
историко-культурного наследия, учреждений искусства
и творческого проектирования, Департамент культуры
и культурного наследия Ивановской области.
lisa23-90@yandex.ru

ШАМАТОНОВА
Галина Леонидовна

кандидат политических наук,
старший преподаватель кафедры
социально-политических теорий,
Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова.
gshamatonova@mail.ru

Содержание

СЕМЬЯ И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

Трефилова М. Н., Котлова Т. Б. Конфликт как фактор трансформации семьи горожан в конце XIX — первой четверти XX в. (На материалах Владимирской, Костромской, Ярославской губерний)	3
Леонов М. М. Внебрачные связи и покровительство в России второй половины XIX — начала XX в.	17
Волошун П. В. «Летний период» великой княгини Елизаветы Федоровны в имении Ильинское	25
Досина Н. В., Смирнов Я. О. Воспроизводственный потенциал современной российской семьи в контексте пронаталистской социально-демографической политики	29

ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

Козлова Н. Н. Международный женский день 8 Марта как инструмент формирования советской политической культуры	36
Марасанова В. М., Албегова И. Ф., Шаматонова Г. Л. Женщины и образование в конце XVIII — начале XX в. (На примере Ярославской губернии)	44
Мирошниченко М. И. «Злостные лица» женского пола: борьба с проституцией в свете революционного самосознания в 1920—1922 гг. (По материалам Урала)	55
Курто О. И. Мужской мир, мужские ценности: повседневность мужчин-старателей «Желтугинской республики» 1883—1886 гг.	66
<i>Аннотации</i>	77
<i>Авторы номера</i>	81

Contents

FAMILY AND PRIVATE LIFE

Trefilova M. N., Kotlova T. B. Conflict as a factor of townspeople family transformation at the end of the 19 th — the first quarter of the 20 th c. (On the materials of Vladimirskaja, Kostromskaja, Jaroslavskaja provinces)	3
Leonov M. M. Extra-marital relations and patronage in Russia in the second half of the XIX th — beginning of the XX th c.	17
Voloshun P. V. Summer of grand duchess Elizabeth Fedorovna in the manor Ilinskoe	25
Dosina N. V., Smirnov Ya. O. Reproductive potential of modern Russian family in the context of pronatalist social-demographic policy	29

PROBLEMS OF WOMEN'S AND GENDER HISTORY

Kozlova N. N. International Women's Day, March 8, as a Soviet political culture constructing factor	36
Marasanova V. M., Albegova I. F., Shamatonova G. L. Women and education in the late XVIII — early XX c. (In Yaroslavl province)	44
Miroshnichenko M. I. Female «intentional person»: combat with prostitution in the context of revolutionary consciousness in 1920—1922 (Based on material of the Urals)	55
Kurto O. I. Men's world, men's values: everyday life of men gold-diggers of «Zheltuga republik» in 1883—1886	66
<i>Summaries</i>	79
<i>Authors of the issue</i>	81

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Журнал «Женщина в российском обществе» издается на базе Ивановского государственного университета и Российского межвузовского центра гендерных исследований с 1996 года. За более чем десять лет, прошедших с выхода первого номера, журнал зарекомендовал себя как серьезное научное издание, посвященное разработке методологии гендерных исследований, научному осмыслению эволюции социального статуса женщин и мужчин, их роли в общественном развитии России, методическому обеспечению курсов по гендерной проблематике. География авторов научных статей представляет все крупные регионы России от Москвы до Дальнего Востока. С 2008 года наш журнал включен в список ВАК.

Основные задачи журнала:

— способствовать институционализации гендерного образования в вузах России через создание научно-методической базы для чтения курсов по специальностям различного профиля;

— интегрировать научное сообщество, занимающееся разработкой гендерной проблематики и представляющее авторитетных и молодых ученых России, докторантов, аспирантов;

— предоставить право первой публикации новому поколению молодых ученых.

Журнал «Женщина в российском обществе» выходит ежеквартально, распространяется бесплатно по предварительным заявкам ученых и библиотек.

Надеемся, что вы проявите интерес к нашему изданию и пожелаете сотрудничать с нами. Будем рады видеть вас среди авторов журнала. Мы поместим ваши научные статьи, рецензии на монографии и диссертации, переводы, обзоры конференций по следующим направлениям:

- теория и методология гендерных исследований,
- гендерная социология,
- проблемы гендерного равенства в политическом процессе,
- гендерные аспекты труда и занятости,
- гендерная лингвистика,
- женщины и мужчины в истории,
- гендерная педагогика и гендерное образование,
- гендерная психология,
- женское движение: традиции и современность.

Приглашаем вас на сайт журнала (www.womaninrussia.ru), на форуме которого можно принять участие в обсуждении направлений издания и проблематики статей.

По всем вопросам, связанным с публикацией и оформлением заявки на получение журнала, можно обращаться по электронной почте: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

С уважением

главный редактор журнала

«Женщина в российском обществе»,

доктор исторических наук, профессор О. А. Хасбулатова

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Объем научных статей — 0,5—1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК, ББК**; на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** объемом 10—15 строк и **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы (к каждому пункту списка должен быть отсыл в тексте). Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Все материалы публикуются бесплатно.

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 1 (58) — 2011

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Батова, О. В. Боронина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Подписано в печать 09.03.2011 г. Формат 70x108^{1/16}
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 7,5. Уч.-изд. л. 6,5. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41
E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ООО «Центр социальной поддержки женщин и семьи»
(Издательский центр «Юнона»). 153002 Иваново, пр. Ленина, 47